

С Дайроном
в XXI век

Сборник
С Байроном в XXI век

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сборник

С Байроном в XXI век / Сборник — «ИП Березина Г.Н.», 2019

ISBN 978-5-00153-181-4

Русско-английский сборник составлен по итогам прошедшего в июне в крымском городе Судаче Международного фестиваля им. А. С. Пушкина, посвященного 220-летию поэта. В книгу вошли лучшие произведения поэтов и писателей – приехавших из разных стран участников этого праздника творческих людей, организованного Интернациональным Союзом писателей при поддержке Министерства культуры Крыма. Авторы стремились охватить широкий спектр тем и направлений, которые не должны оставить безразличными любителей литературы с самыми разносторонними интересами. Каждый читатель найдет в сборнике для себя форму художественного произведения, поклонником которой является.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-181-4

© Сборник, 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Проза	6
Николай Балицкий	6
Эва Баш	12
Тамара Булевич	16
Марина Дербина	20
Михаил Жинжеров	24
Геннадий Исиков	31
Ольга Камарго	36
Надежда Кольшкина	41
Екатерина Кольцова	47
Саша Кругосветов	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сборник Байроном в XXI век

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Проза

Николай Балицкий

Прозаик, эссеист, куратор Представительства Интернационального Союза писателей (ИСП) в Республике Крым и Севастополе, заместитель председателя Международного правления ИСП, член Союза писателей Республики Крым.

Родился в 1954 году в городе Старый Крым Крымской области. В настоящее время проживает в Симферополе. Окончил Львовское высшее военно-политическое училище (факультет культурно-просветительной работы) и Славянский международный институт управления, бизнеса и права.

Член оргкомитета ежегодного Международного литературного фестиваля имени А. С. Пушкина в Крыму. Член жюри Поэтического фестиваля «Пристань менестрелей», Севастополь – Балаклава. Член инициативной группы по созданию литературного проекта «ЛИДАЙ (Литературный дайджест) «Семейное чтение. Клиповый формат».

Пишет на русском и украинском языках. Публикации в изданиях: «Литературная газета» – Москва; «Российский колокол» – Москва; «Огни над Бией» – Бийск; «Нана» – Грозный, Чеченская Республика; «Арсенал охотника» – Москва; «Метаморфозы» – Гомель, Беларусь; «Литературный Крым» – Симферополь; «Интеллигентный сезон» – Симферополь; «Крымское эхо» – Симферополь; «Далекый голос Аэлиты» – Москва; «Автограф» – Москва; «Планета друзей» – Ялта; «Волга – XXI век» – Саратов; «Кольцо А» – Москва; «Крым» – Симферополь; «В едином строю» – Москва и др.

Изданы книги: «Екатерина Балицкая: мысли, картины, стихи». – Симферополь: Доля, 2017. «Исполнение мечты: как это бывает». – М.: Издательство ИСП, серия «Таврида», 2019. Обе книги были представлены на Московской международной книжной выставке-ярмарке в сентябре 2019 года, павильон № 75, ВДНХ.

Участник и призер литературных фестивалей «Созвездие Аю-Даг» (Партенит-2016, 2017), «Интеллигентный сезон» (Саки-2017, 2018, 2019), «Поехали! В Астрахань!» (2017), «Ялос» (Ялта-2017), Международной литературной конференции «РосКон» (Москва-2017, 2019), Международного литературного фестиваля имени А. С. Пушкина (Судак-2019), XXXVI Международного литературного фестиваля фантастики «Аэлита» (Екатеринбург-2019).

Кавалер медали «65 лет со дня основания Интернационального Союза писателей». (Москва-2019). Лауреат медали-премии имени С. Я. Надсона (Москва-2017).

ЛУЛА И КАВИТТИ

Историческая миниатюра

Виктории и Александру с уважением

Судак – небольшой крымский городок, раскинувшийся между скалами и морем. Его волшебная природа покорила меня.

Прожив в этом городе добрый десяток лет, я влюбился в необыкновенную красоту горных лесов, окутанных прозрачным морским воздухом; в бескрайнюю синь моря, манящую и завораживающую; в открытость и приветливость судакчан, гостеприимно принимающих любого заезжего странника.

Я перечитывал все, что попадалось об истории, сложившейся за добрую дюжину веков существования Сидагиоса и Сугдеи для греков, Солдайи для итальянцев, Сурожа для русичей вплоть до современного Судака, название которому подарили турки. Особенно меня поразил тот факт, что этот маленький приморский городок смог стать центром Великого шелкового пути.

Как бы трепетно мы ни относились к своим любимцам, но судьба порой диктует свои условия.

Так случилось, что в «лихие девяностые» мне пришлось покинуть Судак и поработать пару лет в Братске. Возвращаясь в Крым, я ехал в одном купе с Валерием Павловичем, препода-

давателем истории и очень интересным собеседником. Узнав, что я из Судака, он поведал мне удивительную легенду о любви флорентийца и девушки с берегов Амударьи.

– Наш поезд движется по одному из отрезков Великого шелкового пути, – начал свой рассказ мой попутчик. – Как известно, Судак долгое время был центром этого легендарного маршрута. А открыт Шелковый путь был с легкой руки китайского императора У-ди, отправившего еще во втором веке до нашей эры своего сановника Чжан Цяня на Запад для поиска союзников в борьбе с набегами степных народов. После долгих лет скитаний, опасных приключений и даже плена Чжан Цянь все-таки вернулся домой и рассказал императору, что видел много такого, чего нет в Китае: восточные сладости, полотняные ткани, вино. Но особенно впечатлил Великого Правителя рассказ о «крылатых» конях давани, которые по размерам и скорости превосходили низкорослых китайских лошадок.

У-ди вспомнил завет Конфуция о том, что для успешной империи необходимо развитие внешней торговли, и снарядил караван с шелком и бронзовыми зеркалами в Среднюю Азию, дабы обменять это добро на ферганских скакунов. Таким образом, как это часто бывает, совершенно случайно зародился Великий шелковый путь.

Справедливости ради надо сказать, что не все полагали полезными достояния Шелкового пути. В Риме, к примеру, считалось аморальным носить одежду из чрезмерно дорогого шелка и даже был принят закон, запрещающий ношение шелков, но, к счастью, этот закон был вскоре отменен. А Чингисхан и вовсе использовал торговый маршрут для захвата новых территорий и порабощения других народов.

Вскоре после смерти монгольского хана-захватчика итальянские купцы начали активную торговлю с Востоком, и даже опасные приключения не останавливали их.

Флорентийский банкир и купец Франческо Пеголотти советовал своим коллегам брать с собой полотняные ткани, продавать их в Ургенче и запастись сомами – серебряными слитками, чтобы покупать на них шелк.

Купец Кавитти так и сделал: прибыв в Ургенч, он продал весь свой товар за несколько сот сомов и остался дожидаться большой партии шелка, чтобы взять его по оптовой цене.

В селении рядом с мечетью была христианская церковь, куда Кавитти ходил просить Господа дать ему силы на благополучное возвращение в Италию. Около храма к нему подошел парень, выдававший себя за сумасшедшего, и несколько раз шепнул купцу: «Не жди караван – уходи в свою страну! Не жди караван – уходи в свою страну!». Кавитти не обратил внимания на слова больного, но на всякий случай отдал серебро и деньги на хранение хозяину постоялого двора. И правильно сделал, потому что однажды вечером шайка бандитов, увидев богато одетого купца без охраны, напала на него. Не найдя при нем денег, грабители избили Кавитти, забрали почти всю одежду и бросили бедолагу на дороге.

Лула – дочь зажиточного местного мельника – рано утром пошла с подружкой по воду. Недалеко от источника девушки нашли полуживого несчастного в окровавленном нижнем белье и попросили проходивших мимо крестьян помочь перенести его в дом. Лула выходила пострадавшего, а когда Кавитти смог говорить, она узнала, что спасла богатого флорентийского купца.

Через некоторое время пришел караван с китайским шелком, фарфором, пряностями и другим богатством. Кавитти успешно завершил сделку и явился в дом мельника просить руки и сердца Лулы. Девушка, влюбленная в флорентийца, согласилась ехать в далекую Европу. Несколько дней ушло на подготовку к свадьбе, и после пышного пиршества новый караван с молодой семьей отправился в далекий путь.

По суше они добрались до Солдайи – так итальянцы называли Судак. Для того чтобы двигаться дальше, необходимо было зафрахтовать корабль. Но кораблей не было, поэтому Кавитти пришлось ждать, когда в Солдайю придут суда из Европы. Бывало, ждали месяц, а то и два.

Кавитти и Лула поселились в довольно комфортабельном по тем временам постоялом дворе, которых было несколько в Солдае.

Пользуясь выгодным географическим положением городка, местные жители часто устраивали ярмарки. Во внутреннем дворе крепости и на поляне под ее стенами разбивали пестрые шатры, палатки, лавки и совсем маленькие лавчонки, из которых голосистые зазывалы на разных языках приглашали отведать их угощения и покупать всевозможные товары. Тут же работали кузнецы, ювелиры, портные, готовые выполнить любой заказ посетителя ярмарки. На импровизированной сцене выступали бродячие артисты. Их музыка была слышна далеко за пределами ярмарки.

Оставив беременную жену в апартаментах постоялого двора, Кавитти пошел посмотреть, чем торгуют в здешних краях. Ближе к обеду уставший купец решил спрятаться от палящего солнца под камышовым навесом чайханы и выпить чаю. На дастархане возлежал представительный господин, судя по одежде, европеец. Кавитти сел рядом, они познакомились. Это был путешественник, писатель и купец Марко Поло. Кавитти много слышал о своем знаменитом земляке, но только в Солдае удалось познакомиться с ним.

Разговор зашел, конечно же, об Италии, которую они давно оставили и скучали по родным местам. Марко рассказал, что задумал написать книгу о своих путешествиях по разным странам, о купеческих делах. Оказалось, что у Марко Поло в Солдае был собственный торговый дом. За разговорами время пролетело быстро.

Между тем Лула с прислужницей вышли на берег моря прогуляться. Был жаркий солнечный день. Женщины подошли к самой воде и с облегчением вдохнули морскую прохладу. Пустынный берег, каким он всегда бывал во время ярмарки, и спокойное море предвещали приятную сиесту.

– Посмотри, как красиво плывет эта лодка, – показала Лула на единственное судно, медленно двигавшееся вдоль берега.

Шестивесельной лодкой управлял рулевой на корме. Поравнявшись с одиноко стоявшими на берегу женщинами, лодка резко повернула к берегу и причалила. Несколько парней проворно выпрыгнули на песок, и женщины не успели опомниться, как оказались брошенными на дно лодки между гребцами и рулевым. Гребцы налегли на весла, и вскоре лодка вместе с добычей скрылась за ближайшим скалистым мысом.

– Признавайтесь, с кого мне требовать выкуп! – рявкнул рулевой, который был здесь главный. – А не то... – бандит живописно провел ребром ладони по своему горлу, скорчив при этом страшную рожу.

Узнав, что Лула – жена флорентийского купца, бандиты обрадовались удачному «улову». Через пару часов ходу они причалили к берегу в небольшой бухте. Главный прохрипел пропитым голосом, обращаясь к прислужнице:

– Беги к своему хозяину и скажи, чтобы он сегодня ночью оставил в этой бухте лодку с дорогими товарами. И чтобы никакой охраны! Если он не пожадничает, то наутро получит свою жену в целости и сохранности.

Высадив прислужницу, бандиты отправились дальше. Лодка обогнула очередной мыс и скрылась из виду.

Солнце клонилось к закату, когда Кавитти вернулся в арендованные апартаменты. Не найдя супруги, он призвал к себе хозяина постоялого двора. Тот рассказал, что Лула с прислужницей пошла прогуляться к морю, но это было еще в полдень. Кавитти поспешил на берег.

– Искать! Всем искать мою жену! – кричал Кавитти, вернувшись с берега.

Почти все, кто был на постоялом дворе, вышли на поиски в город и его окрестности. Марко Поло, узнав о горе, постигшем Кавитти, отрядил своих людей на помощь. Но все старания искавших были напрасны.

Когда стемнело, появилась прислужница Лулу, смертельно уставшая, с разбитыми в кровь ногами. Перепуганная женщина поведала о том, что с ними приключилось, а закончила свой рассказ такими словами:

– Бандиты предупредили: если они заметят, что за бухтой, где надо оставить выкуп, будет вестись наблюдение, то они убьют Лулу; если товар будет плохой или его будет мало, то они убьют Лулу; а если все будет по-ихнему, то утром мы сможем забрать Лулу в той же бухте.

Кавитти, долго не раздумывая, приказал загрузить самую большую лодку дорогими товарами. Во вторую лодку он взял с собой несколько мужчин и прислужницу, которая должна показать место, где оставить выкуп. Обе лодки связали канатом, и купец со своей командой отправился в указанную бухту.

Пока мужчины вытаскивали лодку с товаром на песчаный берег, Кавитти обратил внимание на почти непроходимые отвесные скалы, окружавшие крошечный пляж. Он спросил у прислужницы, как она выбралась из этого каменного мешка, но бедная женщина ничего не могла вспомнить, а лишь только всхлипывала. У Кавитти мелькнула мысль: «Возможно, бандиты морем придут за выкупом».

Кавитти не пошел обратно в Солдайю, а, отплыв за ближайший мыс, стал на якорь. Он спрятался между скалами, так, чтобы был виден вход в бухту. Благо ночь выдалась лунная, а море спокойным. Не сомкнув глаз, Кавитти и его помощники до утра наблюдали за морем, но никто не заходил в бухту.

Взошло солнце. По-прежнему никто не заходил в бухту.

Вдруг Кавитти отчетливо понял, что навсегда потерял самое дорогое на свете. Его обманули! Он никогда больше не увидит цветков своей жизни – любимую Лулу, которая спасла ему жизнь, а он – мужчина – не смог защитить дорогую сердцу женщину.

– Гребите, черт бы всех побрал! Гребите в бухту! – заорал он на ни в чем не повинных людей.

Кавитти нашел на берегу лодку, оставленную им ночью с товаром: она была пуста. В глазах флорентийца появились слезы.

– Мы должны найти Лулу, – с трудом выдавил из себя Кавитти и отправился в скалы. Мужчины последовали его примеру.

Невдалеке от лодки Кавитти нашел грот, переходящий в пещеру. В глубине пещеры виднелось тусклое свечение. Пройдя на свет, который с каждым шагом становился все ярче, он оказался на другой стороне мыса. Внизу около моря росла одинокая сосна. К дереву была привязана Лула, – закончил свой рассказ Валерий Павлович.

– Я знаю этот сквозной грот. Он действительно находится в Разбойничьей бухте недалеко от Судака, но эту историю про Лулу и Кавитти слышу впервые, – проговорил я, вспоминая родные края.

Заканчивая эту удивительную историю, мне остается лишь добавить, что во Флоренцию молодая пара прибыла с пополнением: по дороге Лула родила прекрасного мальчика – будущего путешественника и успешного торговца.

КОНТРОЛЬНИЙ ПОСТРІЛ

Спеціальна номінація «Класика літератури на мові народів СРСР». На українському мові. Розповідь.

Я лишився майже всіх друзів не тому, що зробився туговухий в армії після невеликого приземлення з парашутом, а через алкоголь. Раніше я теж не дуже жалував «зеленого змія», а тепер охолов до нього настільки, що, коли траплялося застілля з приводу і без, пив тільки те, що

було безалкогольне на столі. Виходить, що травма дала мінус не тільки в барабанні перетинки, але і в дарах Вакха. Якщо від першого не можна радіти, то друге мене цілком влаштувало.

Після довгого лікування і вимушеного неробства в госпіталі мене виписали відразу на громадянку, тобто достроково комісували з армії. Довелося відростити довге волосся, щоб закрити шрами від безлічі хірургічних втручань і заодно замаскувати слуховий апарат за вухом.

На честь приїзду сина мої батьки влаштували пишне гуляння, запросивши родичів та друзів. Перед першої чаркою реакція гостей на моє потягування лимонаду була традиційна: «Щасливий той, хто вина не п'є, тому пий воду – вода не збентежить розуму», а вже десь після третьої: «Не п'єш – отже хворий, або падлюка». «Я не хворий!» – доводилося миттєво реагувати мені, що викликало дружню сміхотню: «Ха-ха, тобто...».

Друзі, однак, на свої гулянки запрошували. Щоб дуже не вирізнятися, почав симулювати вживання, адже для веселощів у мене і свого захопту вистачало. Згодом цей номер перестав проходити, і мене все рідше закликали на вечірки, мовляв, п'яному гусаку твереза свиня не товариш. Я не ображався, бо знав, що п'яний тверезого не любить, як дурний розумного. Залишився один щирий приятель – Серьога, якому було по цимбалах п'ю я, чи ні.

Молодий організм вимагав жіночої ласки, і ми з другом занадилися в гуртожиток до двох підружок, які навчалися на останньому курсі універу і жили разом в одній кімнаті. Я своєї Наталі відразу зізнався, що є проблеми зі слухом, та й як тут сховаєшся, якщо носиш завушника. Вона поставилася з розумінням, і ми зустрічалися більше півроку. Коли мені здалося, що ангел кохання нанизав на свою стрілу серця нас обох, я одягнувся пристойніше, купив квіти і пішов робити пропозицію.

Стукаю в двері. Відкриває Тетяна – дівчина мого друга – і сама така вся вже зібрана на валізах, а в очах журба.

– Наталка поїхала з Сергієм, – з сумом в голосі повідомила Таня, коли я увійшов. – Її розподілили в сусідній райцентр, а у Сергія там бабуся живе, і він обіцяв допомогти Наталці з житлом на перший час.

Знетямлений я плюхнувся на стілець нібито мене підстрелили. А Танюха ще «контрольний постріл» зробила:

– Наталка просила передати, щоб ти не шукав її, бо вона вважає, що від тебе будуть глухі діти.

– Які там глухі діти? У мене ж глухота не спадкова. – пробурмотів я. – Це Сірій подбав... я давно помітив, що він на Натку око поклав.

У кімнаті повисла бездонна тиша – ні голосу, ні зітхання. Це було схоже на тишу після розкриття парашута. Гуркіт мотора гвинтокрила, свист у вухах від вільного падіння все йде, залишається тільки розчинення в повітрі.

Мені здалося, що я не на стільці сиджу, а лечу вниз і від цього мене трохи нудить.

– Я теж з'їжджаю на квартиру, – пролунав звідкись здалека голос Тетяни. – Навчання закінчилося, і мені треба звільнити казенну кімнату. Ти зарадиш мені з валізами?

– Звичайно допоможу, – прийшовши до тям промовив я, крутячи в руках букет квітів.

Танюха одразу збагнула:

– Зараз принесу банку з водою, і залишимо квіти новим мешканцям.

Поки Таня поралася з букетом, під'їхало таксі. Ми завантажилися, і я супроводив дівчину до самих дверей її нового житла.

А через пару місяців ми одружилися. Зараз у нас ростуть двійнята, до речі, обидва чудово чують. Серьогу поки не зустрів, але якщо перестріну, подарую йому велике мерсі!

Эва Баш

Профессиональный переводчик, автор текстов крупной и малой прозы в жанрах городское фэнтези, детектив, нуар, киберпанк.

Финалист международного конкурса Open Central Asia Book Forum & Literature Festival 2014 Евразийской Творческой Гильдии (Лондон) с англоязычной версией романа «Хрустальный сад».

КРУТОЙ РИНАЛЬДО

Морозящий дождь стекал с надвинутой на глаза шляпы. Эхо шагов по булыжной мостовой глухо отдавалось в сырых полутемных переулках. В памяти яркими вспышками плясали воспоминания прошедшего вечера.

День рождения Карлито. Лоснящиеся самодовольные рожи приспешников. Тосты под брызги запрещенного алкоголя, в котором плавают разноцветные конфетти. Смех полуголых танцовщиц из кабаре «Мамы Мортон». Протяжный джаз струнного оркестра из Чикагского оперного. Чарующий голос несравненной Дивы. Всё самое лучшее, что можно купить за деньги.

Когда веселье достигает апогея, два дюжих мужика из пекарни Гвидо выкатывают торт. Кремовые розочки блестят на свету. Так же блестят глаза Карлито, когда он видит, как из торта выскакивает рыжеволосая красотка. Восторженные возгласы и аплодисменты затихают, лишь стоит ей достать «томми-ган» и начать палить.

Первым получит свою пулю Карлито. Потом Альфонсо, Джузеппе, Маленький Джо... Кто-то попытается выхватить револьвер, но не успеет.

Ринальдо будет наблюдать за происходящим через стеклянную дверь и медлить, поглаживая спусковой крючок. Это его место и его работа. Но лишь когда у красотки закончатся патроны, он пустит пулю ей в затылок. Ничего личного. Он должен.

Кто-то должен.

Ринальдо обойдет столы, выставленные буквой П. Постарается не наступать в лужи крови, но ноги всё равно будут путаться в серпантине.

Все, кто сможет, разбегутся. Останется только Дива. Рыдая, она склонится над лежащим на полу Карлито. Его невидящие глаза будут смотреть в потолок, а из уголка губ будет стекать тонкая струйка крови.

У мафии больше нет босса.

Ринальдо усмехнулся, подумав об этом, поправил мокрую шляпу и коротко взглянул на светящиеся желтоватым светом окна второго этажа. Лючия еще не спит. Опять, наверное, взяла работу на ночь.

Он ступил на узкие ступени крыльца, открыл дверь ржавым ключом. Деревянный барак встретил кислым запахом испорченных томатов и развешанного на лестнице белья.

«Ринальдо! – сразу же окрикнул его голос матери. – Где тебя черти носят? Роберто снова подрался. Выгонят! Потеряет место, о котором так хлопотал твой отец! Ринальдо!»

Но Ринальдо только отмахнулся, выругавшись себе под нос.

В узкой каморке, разделенной на две части выцветшей занавеской, было сумрачно и стыло. От окна, которое он давно обещается заделать, тянуло сквозняком. Тусклая настольная лампа освещала женщину на коленях, склонившуюся над тазом с бельем.

В былые времена Ринальдо наслаждался бы видом ее позы, но сейчас она его совсем не трогала. Вытащив из-под кровати початую фляжку, он зажег сигарету и растянулся на цветастом покрывале. Пружины скрипнули под его весом.

Лючия отжала очередную сорочку и, бросив ее в кучу других выстиранных вещей, коротко глянула на него через плечо и снова взялась за стирку.

Она знала, что нельзя тревожить мужа, когда он приходил домой посреди ночи в перепачканном кровью костюме и сразу же прикладывался к любимой фляжке. Она ничего не говорила о том, что он тратил всё жалование на свои костюмы, выпивку и черт знает что, не принося домой ни пени. Она никогда не устраивала из-за этого сцен. Хорошее настроение Ринальдо было для нее важнее собственных желаний и мнения. Она была готова безропотно делать всё во имя семьи и хлипкого благополучия, даже жить в этой лачуге с закоптившимися обоями и без надежды на лучшее.

С тихим вздохом Лючия поменяла положение, выпрямив затекшую спину.

Ринальдо повернулся на звук, окинул взглядом оплывшую фигуру супруги. Четвертый месяц или уже пятый? Да какая разница!

Завинтив крышку, он приподнялся на постели.

– Иди сюда! – процедил он сквозь зажатую в зубах сигарету.

– Дети услышат, – бросив взгляд на колыхнувшуюся занавеску, прошептала она.

– Твоя проблема, если они не спят.

Рывком Ринальдо встал с кровати и, расстегнув брюки, дернул головой, приказывая Лючии лечь. Она колебалась, но не долго. Он схватил женщину за руку, развернул к себе спиной и задрал юбку.

В мыслях он был далеко от этой грязной каморки. И не с Лючией, а с Ней – с его Дивой.

Дива! Ради нее стоило жить и умереть, не дрогнув. Его сердце принадлежало ей с того самого момента, когда он впервые ее увидел.

Он думал о ней, пытаясь вызвать в памяти образ, но на темном фоне сомкнутых век подрагивал лишь едва обозначенный силуэт, мягкий локон белокурых волос, яркая нарисованная точка-родинка над губой. Ноздри щекотал призрачный вишневый аромат ее помады. Он не знал этого наверняка, но ему казалось, что у ее губ должен быть именно такой вкус. И ведь она ничего ему не обещала, только мельком взглянула, выходя из апартаментов босса, а сегодня даже не посмотрела на него. Неужели она действительно так любила Карлито?

«Ничего, – думал он, и его движения становились всё яростнее. – Она будет моей».

* * *

С крысами разговор короткий. Уже на следующий день у пекарни Гвидо был новый декор. Кроваво-красные разводы интересно сочетались с беленым деревом и картонными муляжами тортов.

– На хрена этот маскарад? – ругался Тони, засучивая рукава рубахи.

– Гвидо работал на картель, – сплюнув на пол, произнес Ринальдо.

Его раздражало, что приходилось снова объяснять простые вещи.

– Если мы сунемся к ним просто так, они положат нас, не успеем мы и шагу ступить. Нам нужно автоматическое оружие, и у них оно есть.

– Ну, так, а маскарад-то на хрена? – подключился Бени, напяливая котелок.

– Пусть они думают, что их ограбили ирландцы.

– А-а-а-а...

Лица подельников наконец озарились пониманием.

Пока картель и настоящие ирландцы, которые не имели никакого понятия о подставе, были заняты друг другом, в лоне итальянской мафии зрел новый лидер – Ринальдо Капетти. Он был дерзок и умен, а все, кто был с этим не согласен, вскоре обретали новое место жительства. Гробовщик на кладбище Святого Креста купил себе новые часы и не просыхал второй месяц.

* * *

Сжимая в зубах сигару, Ринальдо смотрел на погрязший в огне, крови и разврате город, и сердце его ликовало. Теперь в городе не было никого главнее его. Он стал самым большим боссом, а тех, кто пытался этому сопротивляться, он без жалости сжил со света.

– Приведите ее ко мне, – бросил он своим людям, отпив из бокала бренди.

Ее привели почти сразу, как будто держали за дверь. Дива сверкнула в него глазами из-под траурной вуали.

– Что тебе нужно от меня? – с вызовом спросила она.

– Ты, – посмеялся он, вразвалочку приближаясь к ней.

– Ты жалок. Нищий, который стал принцем. Тебе не идет этот костюм, он слишком велик. Он из гардероба Карлито, ведь так? Ты всё донашиваешь за ним? Его вещи, его автомобили, его квартиры, его... супругу. Я знаю, ты возьмешь меня и будешь обладать моим телом, но ты никогда не получишь мою душу.

– Ах ты, сука! – он замахнулся и сорвал с нее вуаль, ударив по щеке. – Это всё ради тебя! Всё было сделано ради тебя! Я! Я подставил Гвидо! Я отправил Карлито эту посылку из ада! Я развязал эту войну! Я! Я люблю тебя. И буду доказывать тебе это каждую минуту. И начну прямо сейчас.

Грубо схватив за плечи, Ринальдо повалил ее на пол. Дива не сопротивлялась и не издавала ни звука, пока он не закончил свое дело.

Он встал, оставив ее лежать на полу и, хлебнув виски прямо из бутылки, схватил пистолет. Всё было не так, как он хотел, как представлял в своих мечтах. Вся его жизнь была потрачена напрасно, и обладание желанной женщиной не принесло никакого удовлетворения.

– Тогда ты сдохнешь, – прошипел он сквозь зубы и, прицелившись, пустил ей пулю в лоб. А потом еще и еще, пока в револьвере не остался один патрон.

Судорожно вздохнув, Ринальдо отпрянул, только сейчас начиная осознавать случившееся. Его взгляд зацепился за отражение в зеркале. Он увидел свои слипшиеся взъерошенные волосы и поросшее щетиной лицо и испытал такое отвращение, какого не испытывал никогда в жизни. Он действительно был жалок. Тогда Ринальдо поднял руку и пустил последнюю пулю себе в голову. Но пуля лишь чиркнула ухо, пронзив его адской болью.

– Ты даже себя убить не можешь! – закричал он.

На улице раздался вой сирен. Метнувшись к окну, Ринальдо увидел, как у дома останавливаются полицейские автомобили и из них выскакивают копы.

Бежать, скрываться... нет, он знал, что должен сделать. Это был шанс. Шанс рассказать всё.

Он спешил вниз по лестнице, спотыкаясь на ступенях. Пистолет, всё еще зажатый в его руке, сверкал во вспышках сирен. Полицейские, расценив его как угрозу, дали залп из винтовок.

Ринальдо упал и продолжил ползти, захлебываясь собственной кровью. Впереди в прямоугольнике света стояла Лючия, прижимая к груди младенца. Их младенца.

«Зачем принесла она его? Зачем?» – билась мысль в голове Ринальдо.

Хотела напомнить о себе? Ведь он вычеркнул их из своей памяти, переступив порог новой жизни. Забыл, как о досадной неприятности. И именно сейчас Ринальдо вдруг осознал, как сильно был неправ.

Он потянулся к ней, но она лишь покачала головой и, развернувшись, ушла прочь.

Ринальдо смотрел ей вслед, и из его глаз катились слезы. Он плакал. Впервые в жизни с тех пор, как сменил мокрые пеленки на штанишки. Плакал, пока душа не покинула его бренное тело.

Тамара Булевич

Родилась в Казахстане в бывшей казачьей станице Пресногорьковке. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета.

Работала корреспондентом районной газеты «Светлый путь», возглавляла информационный отдел «Новости» областной партийной газеты «Ленинский путь» (г. Кустанай), сотрудничала с республиканской молодежной газетой «Ленинская смена» (г. Алма-Ата).

Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Интернационального Союза писателей, полномочный представитель Международной гильдии писателей по Красноярскому краю, дважды лауреат золотых медалей им. К. Симонова, «Личность года – 2013». Награждена золотым дипломом конкурса «Её величество книга» (Германия), многими медалями и дипломами российских и международных конкурсов. В 2016 году роман «Горячие тени» получил высший балл на ежегодной писательской конференции в Нью-Йорке.

Издано 18 книг прозы и 4 сборника стихов. Произведения печатаются в Германии, Казахстане, Японии и Хорватии. На стихи Тамары Булевич красноярскими композиторами написано немало песен и романсов.

Автор активно участвует в общественной жизни, многие годы являясь членом Общественного совета министерства культуры Красноярского края.

ТАЕЖНАЯ БЫЛЬ

Каменистая дорога всё круче убегала из-под колес в горный урман. Держа крепко руль в мускулистых руках, Сергей Чашин успевал любоваться тайгой. Завораживало, обновляло и исцеляло душу ее величие, несущее в себе суровость древних причудливых скал, таинственность недоступных ущелий, вековой сумрак непроходимых распадков, свет и чистоту бесконечных серебряных нитей бесстрашно летящих к подножию горы ручейков.

Сергей торопил старенький узик выше в горы. На дальнем зимовье отца, теперь уже собственном, не был с прошлой осени. Это зимовье он строил с отцом, будучи подростком. А помнилось всё до мелочей: как валили вековые лиственники, подбирая одну к одной по обхвату, шкурили, долбили тесаками пазы, собирали венцы и клали с помощью лебедки один на другой.

Отцу хотелось, чтобы изба была просторнее, чем та, ближняя, срубленная им в молодые годы и завалившаяся на подмытый талой водой бок, напоминая ему о многом, добром и худом. Тогда он не имел своего уголья. Поставил избу вблизи заимки для охотничьих нужд. Позже на собственных лесных просторах срубил еще три: ладненькие, утепленные, с емкими лабазами для зимней охоты на песцов и соболей.

Здесь, в медвежьем закоулке, малодоступном для вседозволенности ненасытного человека, полно всякого промыслового зверья. Отец оставил Сергею двенадцать берлог бурых медведей, стадо диких оленей и несколько лосиных лежищ.

...Наконец-то неподалеку замаячило большое, вытянутое с юга на север, сосновое болото – излюбленное глухаринное поместье.

«Запаздываю. Влюбленные красавцы небось вдоволь напелись, наплясались. Бывало, к этой поре мы с отцом уже отводили душу, неделями днюя и ночуя на токовищах. А нынче всё работа да работа. Из-за нелетных погод часто запаздывали с материка вахтовики. А потому начальство замучило местных бурильщиков с подменами. Буровую, как дитя, не бросишь на кого попало. Спасибо бригадиру, дал все-таки для охоты семь денечков, семь золотых деньков. Да и годовщину отца надо отметить. Вновь и вновь буду прокручивать калейдоскоп наших с ним судеб».

Щемящей болью в сердце сын помнит ту горестную весну, навсегда разлучившую его с отцом. Погиб Василий Чашин в тайге не от клыков дикого зверья, с которым прожил свой век бок о бок. Погиб от подлой предательской браконьерской пули злого, ненасытного человека.

В одночасье оборвалась счастливая и беззаботная юность Сергея. Отец был для него большим миром познания и добра, в который теперь ему предстояло войти самостоятельно.

Придется торить к нему тропинку в один след. Без отца. Но в сердце сына жил и живет отцовский повелительный голос предостережением, назиданием, вечным зовом к добру.

«Мои мысли, отец, с тобой и о тебе, пока буду жив». И сейчас припомнилось, как был отец непреклонен и строг на глухариной охоте. Глухарей боготворил, о них знал все тонкости и секреты. Его душа купалась в их трелях. Заклинал Сергея не губить глухариные стаи на галечниках у речных отмелей и яров, считал это таким же преступлением, как дитя загубить у материнской груди.

На охоте отец требовал неукоснительного подчинения. И не дай бог без надобности заломить ветку, сорвать жарок, пламенем костра подпалить ствол или лапы хвойников. Даст такой взбучки, мало не покажется. «Топай-ка домой пешком, коль в тайге вести себя по-человечески не можешь!»

В первые годы без отца, самостоятельно охотясь, Сергей нередко сталкивался с непростым чувством справедливости в охотничьих делах. Ведь из-за неуместной жалости можно вмиг «расшаркаться» желанным обедом голодному атакующему зверю. Но имея надежного защитника – ружье, жалко убивать зверя лишь за то, что ему природой дано по необходимости быть человеку кормом. Такое случалось у Сергея редко. Чаще удавалось найти мирный исход недружелюбной встречи двух животных: человека и зверя. Побеждал разум. Назиданием этому был и случившийся, никак не забываемый, навсегда проклятый им день.

...Прошлой осенью он вымолил у бригадира две недели и уже сидел в «уазике», грея мотор, когда к нему подошли Тарасов и Тузукин, городские вахтовики, собригадники. Стали просить показать им таежную глухомань, токовища, взять с собой на глухариную охоту. Настойчиво умоляли, клялись в послушании, и Чашин согласился. Привез Тарасова и Тузукина на токовище. Всё, что сам знал, рассказал, показал им.

– Не спешите, парни, стрелять. Вдоволь послушайте глухариных трелей. Когда еще выпадет вам такое счастье послушать их пение. Слушайте глухаря сердцем. Сердцем же и запомните неподражаемую, так волнующую настоящего охотника трель.

Над токовищем сгущались сумерки. Урман становился темнее и тише. Только чернозобый дрозд нет-нет да затынет свое мелодичное щебетание, прерываемое трескучей позывкой.

Над тайгой вот-вот повиснет темная, короткая ночь. Неподалеку от тока поставили палатку. Сергей разложил уютный «токо-костерок». И потянулись тихие беседы за травяным чаем до трех ночи. Но только чуть посерело небо, екнула, встревожилась чащинская душа:

– Мужики, ружья за спины и вперед!

Те гуськом за Сергеем, крадучись, направились к центру токовища. Услышав нарастающий свист за спиной, Тарасов остановился и боязливо спросил:

– Что это?!

Чашин чуть слышно, сердито ответил:

– Помолчи ты! Говорил же – ни звука! Глухарь летит.

И тут же, обернувшись на лопотание крыльев, увидели огромного глухаря. Следом за ним пролетели второй, третий, пятый, седьмой... «Славненько натокуемся!» – возрадовался бывалый охотник Чашин.

Самцы разлетались по разные стороны леса, ныряя в густые кроны деревьев. Дойдя до схрона, Сергей услышал первые звуки, скорее напоминающие негромкое щебетание пичужки, чем запев царственного глухаря. И вот уже торопливый, едва уловимый конец песни. «Салага! Тебе, однако, лишь через год настоящим глухарем стать».

Парни рвались к соснам и намеревались делать подскоки, но Сергей удержал их, грозя кулаком. И только в первых лучах разгорающейся над тайгой зорьки отпустил торопыг от себя. Сам же, затаившись в схроне, продолжал сливаться с реликтовой симфонией токовища.

Шло время. Все реже и реже заливались любовными песнями глухари. Сергей, прислушавшись к солисту на кружевной лиственнице, сделал несколько подскоков и затаился под ее шелковистыми лапами.

Над его головой глухарь, заканчивая последние «чи-чи-фшя», издал хвостом знакомый «пыр-рр». Тут же что-то теплое коснулось кончика чащинского носа. «Это знак на удачу». Выстрелил. Не подходя к шумно упавшей добыче, увидел в пятнадцати шагах на соседней ели низко сидящего на раздвоенном сухом суку еще одного поющего.

Парни за две предрассветных зорьки положили в рюкзаки по два увесистых глухаря. Сергей считал это, и гостям наказал, что таков и есть лимит удовлетворения охотничьего азарта. Ему казалось, у гостей было достаточно времени познать неповторимый глухариный мир и подружиться с ним, навсегда полюбить его и стать ему верным другом и защитником. Хватало времени сполна насладиться осенними дарами, красотами пылающей багрянцем тайги. Подобрать душой у магических токо-костров. Омыться чистотой поднебесья и влажной свежестью темных хвояков.

Перед отъездом для прощальной встречи с глухариным сообществом хозяин повел гостей к речке на песчаник, где сытые непуганные птицы, готовясь к скорой зиме и грубой пище, набивали свои безмерные желудки галькой. Они были так увлечены этим занятием, так доверчиво беспечны, что любая бездумная рука могла вмиг уничтожить всю стаю.

В то утро на галечник слетелось около сотни взрослых глухарей с выводками. Прекрасные, гордые птицы: величавые копалухи, краснобровые самцы и картинной свежести красок молодняк.

Сергей так увлекся редкостным зрелищем глухариного галечного отрешения, что не сразу заметил вскинутые на поражение ружья Тарасова и Тузукина. И, как оказалось, настрой незваных гостей был далеко не влюбленно созерцательным, а злым и преступным. Войдя в раж, они устроили настоящую глухариную бойню. При этом ошалело восторгаясь, запихивая самых крупных окровавленных, убитых и раненых самцов в припасенные заранее кули...

«Папка! А ты сумел прикрыть глухариную стаю собой!..»

Сергей обезумел от горя, словно только что у него на глазах расстреляли его близких, дорогих людей. Чтобы остановить этот кошмар, он, выпустив несколько очередей из карабина вверх, отчаянно и долго кричал на всю тайгу озверевшим убийцам:

– Уймись, твари! Предатели! Бросьте ружья! Гады вы, гады!.. Что же наделали... Раздавайтесь. Погоню голяком по займке! Пусть все узнают, кто вы есть... Дикари!оборотни! Выродки!

Не на шутку испугавшись, нет-нет, не охотники – убийцы, побросав ружья, кинулись бежать к своей «Ниве», волоча за собой окровавленные, кричащие и стонущие кули с глухарями.

Оставшись один на берегу, Сергей упал на залитый глухариной кровью галечник. Долго безутешно рыдал под крики подранков, раздирающие человеческую душу...

Прервав охоту, Чащин вернулся домой. На следующий день о случившемся в тайге знала вся займка. По настоятельной просьбе Сергея перевели на дальнюю буровую, чтобы никогда ему не встретить тех нелюдей, которые погубили его беззащитных лесных друзей.

Марина Дербина

Родилась 16 июля 1998 года в Санкт-Петербурге. Окончила школу с золотой медалью. В настоящее время учится в СПбГУП на факультете журналистики.

Сфера деятельности многогранна: писатель, журналист, певица, автор-исполнитель, хореограф-постановщик.

Неоднократная финалистка и призер российских и международных соревнований в спортивных танцах, неоднократная чемпионка Санкт-Петербурга по отечественным бальным танцам.

Автор цикла романов «Огненная пантира».

Имеет публикации различных жанров в литературных сборниках, журналах и альманахах.

В ВЕЧНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

В темноте пустой комнаты горела маленькая свеча. Она едва-едва разгоняла тени, играющие в ночи. С каждой минутой ее свет уменьшался, уступая место тьме.

– Зачем ты пытаешься гореть? – спросила темнота. – Всё равно скоро умрешь.

– Это не важно, – всколыхнулся небольшой огонек. – Всё когда-то умирает, но до этого я успею принести миру как можно больше света.

Темнота расхохоталась над наивностью свечи.

– Твои старания бесполезны. Тьма не умирает никогда.

– Неправда! – возмутился огонек. – Когда есть свет, тьма исчезает.

– Ошибаешься, – возразила темнота, обволакивая комнату всё больше и больше. – Тьма прячется по углам, в тенях предметов и людей. Она проникает в щели, существует везде. И для этого ей не нужна чья-то помощь. Свет так жалок, он существует временно, лишь с помощью звезд, лампы или свечи. А тьма – она постоянна. Темнота существует сама по себе, она первоначальное, истинное состояние Земли!

Под напором тьмы уже тоненькая свеча горела всё слабее.

– Может, и так, но только свет способен остановить тьму, – не сдавался огонек. – Пока живут люди, пока свет горит в их душах и сердцах, тьма не будет постоянной!

– Неужели вы, светлые создания, правда, настолько глупы? – насмеялась темнота. – Люди – циничные и эгоистичные существа. Даже их пресловутая любовь сводится к эгоизму. В конце концов в их душах останется только тьма. Она сильнее и выгоднее света.

– Это вы глупы, темные создания! – Сил у свечи оставалось немного, но она решительно боролась до конца. – Свет дарит тепло, радость, счастье, жизнь. Всё это во много раз сильнее темноты.

– Нет, – продолжала давить темнота, и в комнате повеяло холодом. – Темнота очаровывает, завораживает и притягивает людей. Человеку, избравшему путь тьмы, живется гораздо проще. Он никому не доверяет, полагается лишь на свои силы, поэтому его никто не может предать. В любом споре он будет искать выгоду для себя, защищать ему надо тоже только себя. Такой человек ни от кого не зависит, он делает, что хочет, может совершать как плохие поступки, так и хорошие. А почему? Потому что от него никто ничего не ждет. Тьме не мешают ненужные эмоции. Темнота независима и прекрасна!

Смех теней покрыл почти всё пространство. Маленькая свеча догорала последние минуты жизни.

– А знаешь, – тихо спросил огонек, – в чем наша главная сила?

– Нет никакой силы у света, – усмехнулась тьма.

– Есть, – спокойно продолжил огонек. – Нас любят, и мы любим. Свет живет, потому что ему есть о ком заботиться, есть за кого бороться. А тьма в конечном счете всегда остается одна.

Свеча погасла. В комнате стало холодно и темно. Наступил долгожданный момент полного царствования тьмы. Больше не нужно было спорить со светом и тратить силы на бесполезную болтовню.

Тьма довольно обхватила пустое пространство. Теперь ей никто не мешал, так что можно было спокойно наслаждаться победой.

Повсюду была лишь темнота. Одна. В гордом одиночестве.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Частое дыхание... Едкий запах, заполняющий всё внутри.

Тысяча звуков, неразличимых, переплетающихся между собой и врывающихся в уши давящей, разрушительной волной.

Ритм, бешено рвущийся изнутри. Бьющийся о ребра, стучащий в висках и... пробуждающий.

Я резко открываю глаза. Неосознанный, животный страх – всё, что ощущаю в данную секунду. Темнота вперемешку с яркими огнями ослепляет и сбивает с толку.

«Где я?!» – пытаюсь кричать, но ни единого звука не вырывается изо рта, как бы я ни надрывала горло.

Все ощущения обострены до предела, но меня не покидает странная мысль, что это лишь самовнушение.словно на самом деле у меня нет тела, хотя я его вижу и чувствую.

Смотрю под ноги и ужасаюсь куче мусора и грязи, покрывающей дорогу. Хотя дорогой это назвать сложно. Земля, трясина или месиво? Не могу понять.

Решаюсь посмотреть наверх. Сразу же возникает головокружение и появляется жуткое чувство, что я падаю в пропасть. Высокие гиганты различной формы устремляются в бесконечность, заслоняя темное небо. Небо, в котором не видно ни звезд, ни птиц. Ни облаков, ни единого лучика света. Лишь тучи и клубы дыма, насыщенного черного дыма, образующие вместе бездну тьмы.

Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что прямоугольные, изогнутые, спиралевидные, заостренные причудливые гиганты повсюду. Эти подвиги зданий, напоминающие больше темный лес из стеклянных и каменных скал, заполняют всё вокруг. Чем больше смотрю, тем сильнее они давят, словно угрожая раздавить меня.

Оглушительное жужжание неожиданно обрушивается вместе с сильным ветром, налетающим сверху и заставляющим сорваться с места и без оглядки бежать вперед. Устрашающий звук нагоняет, а затем отдаляется, взмывая ввысь.

Я останавливаюсь и смотрю на летящий агрегат, встраивающийся в общий поток снующих туда-сюда машин, кораблей, самолетов, мотоциклов и людей, парящих на тонких сверхтехнологичных пластинах. Они мелькают настолько быстро, что за ними остаются длинные размытые светящиеся полосы, которые сливаются с яркими движущимися изображениями и вывесками зданий. Этот пестрый электронный мир завораживает и пугает, притягивает взгляд, поглощает всё внимание и заставляет забыть о действительности. Я осознаю это лишь тогда, когда сталкиваюсь с чем-то холодным и твердым. Моментально отскакиваю в сторону, но техническое создание с человеческой фигурой, кажется, не замечает меня.

«Весь мусор должен быть удален», – металлический голос отдает эхом, словно из преисподней.

Двигающееся, будто солдат, чудовище с невероятной скоростью всасывает в руки и ноги мусор, валяющийся на земле. Кажется, что это достижение технологического прогресса не остановит ничто: ни птица, приземляющаяся рядом, ни ребенок, пробегающий мимо. Попятившись, я резко разворачиваюсь и бросаюсь прочь от машины-убийцы.

Выбравшись из мусорной свалки, оказываюсь на большой дороге, заполненной людьми. Людьюми, техникой, непонятными мне устройствами и сооружениями. Всё смешивается в одну кричащую цветами кучу и в итоге выглядит сплошной серой массой. Я медленно пробираться сквозь толпу странно одетых людей, которые кажутся мне дикими инопланетными существами. Вокруг царит настоящий хаос, крики, гул голосов.

Я стараюсь никого не задевать до тех пор, пока не понимаю, что меня никто не замечает.

Свернув за угол, обнаруживаю пустынную улицу. Черное, заброшенное, обугленное пространство с битыми стеклами и развалинами старинных домов. Чувство, словно здесь уничтожена целая эпоха. Я быстрее пробегаю это место и попадаю на площадь. Услышать здесь хоть что-нибудь не представляется возможным: наверху в опасной близости над головами людей летают машины, тарелки и горящие красными лазерами человекоподобные существа.

Но самый интересный объект располагается в центре. В стеклянной камере из кусочка земли растет тоненькое, хрупкое, наполовину увядшее дерево. Около него периодически останавливается несколько зевак. Подойдя ближе, читаю страшную надпись, которая вызывает у меня дрожь и приступ тошноты:

«Последний представитель биологического царства Plantae Haesckel (Растения) в Санкт-Петербурге».

В ужасе я отшатываюсь и медленно пядь за пядью иду назад. Вокруг, кроме этого дерева, нет больше ничего, что было бы создано природой. Ни кустика, ни цветочка, ни единой травинки!

Я бросаюсь назад. Отчаянно бегу всё быстрее и быстрее к месту, откуда всё началось.

На пути мне ни разу не встречаются птицы, кошки или собаки. Ни одного живого существа! Только странные люди с пустыми глазами, с отсутствующим выражением лица, и монстры, технологичные летающие монстры, и гигантские здания, устремленные в темную бездну. Всё это кажется холодным и мертвым: мертвое небо, мертвые существа, мертвый город. Город, который душит меня своим отравленным воздухом.

Возвращаюсь обратно так быстро, словно за мной кто-то гонится. Неожиданно замечаю табличку «река Нева». Расширяющимися от ужаса глазами смотрю на то, что раньше казалось мне месивом. Оказывается, это грязное пространство было рекой. Я быстро закрываю глаза и мечтаю исчезнуть. Исчезнуть и никогда сюда не возвращаться. Тьма стремительно поглощает меня...

Частое дыхание.

Неожиданно обрушившиеся звуки со всех сторон.

Ритм маленького трепещущего сердца, бешено рвущийся изнутри, и... первый крик.

В одном из родильных домов Санкт-Петербурга распахнул глазки очередной новорожденный. Девочка испуганно заплакала, но взрослые не придали этому значения. Обычное дело – плачущий ребенок. Никто не предполагал, что малышку преследуют страшные видения.

Пробегали года. Девочка росла, а странные сны не прекращались. Одни и те же картинки, одни и те же видения преследовали ее почти каждую ночь. Они приходили и наяву, стоило девочке подойти к реке в центре города. Иногда в воображении ребенка черная Нева зарастала мусором и грязью.

Шел 2019 год. Девятилетняя девочка ухаживала за деревьями и цветами, растущими рядом с домом, и убирала мусор во дворе. Этого было мало для того, чтобы изменить мир, но это было началом исполнения мечты. Умный ребенок уже давно понял, что страшные видения – это не сны, а воспоминания из прошлого. Ее воспоминания о будущем. Как это произошло, она не знала, но говорят, что на том свете нам открываются знания, которые мы забываем, стоит нашей душе возвратиться на Землю. Возможно, девочке повезло. Возможно, она не забыла то, что увидела, будучи просто душой. Возможно, она сумеет изменить современный мир. А может, эти знания лишь принесут ей страдания. Ведь, чтобы изменить мир, нужно в первую очередь изменить людей, которые уже сейчас стремительно строят свое мертвое будущее. Безусловно, сделать это сложно. Но независимо от последствий девочка не собиралась сдаваться. Ведь пока хотя бы один человек борется за жизнь на Земле, у планеты есть шанс на прекрасное будущее.

Михаил Жинжеров

Родился в 1947 году в городе Чернигове на Украине. Окончил Киевский институт народного хозяйства.

Работал на предприятии ВПК.

Мастер спорта по шашкам.

С 1994 года живет в США.

Женат, двое детей, четверо внуков.

Работал экономистом, а ночью для медицинской страховки консультантом-воспитателем в доме для людей с заторможенным умственным развитием.

Публикуется с 2013 года.

Был представлен в разных номинациях и печатался в литературных журналах и поэтических альманахах.

Призер нескольких международных поэтических конкурсов. Автор книг «Рифмой по затылку», «И смех, и слёзы, и любовь», аудиокниги «Пегас в бане».

Член Российского Союза писателей, Пушкинского общества Америки, Литературного клуба Нью-Йорка.

Награжден орденом им. Кирилла и Мефодия, медалью им. Мацуо Басё, медалью им. Маяковского, медалью им. Пушкина, грамотами и дипломами.

Некоторые произведения переведены на разные языки: английский, греческий, польский, болгарский, азербайджанский.

ЛУКОМОРЬЕ

Интермедия к 220-летию А. С. Пушкина

Действующие лица:

1. Автор (Пушкин).
2. Кот.
3. Леший.
4. Русалка.
5. Дядька Черномор.
6. Царевна.
7. Волк.
8. Баба-Яга.
9. Кощей.
10. Арина Родионовна.

Стоит дуб, на нем цепь. Выходит ведущий в костюме Пушкина.

Ведущий:

– Мы подготовили для вас небольшую сценку. Мы не профессиональные артисты и надемся на ваше снисхождение. Возраст у играющих, к сожалению, не юный и предполагает склонность к склерозу, за исключением меня. Мне 72. Я, говорят, уже давно впал в детство, хотя мне кажется, я из него никогда и не выходил.

Всем вам, конечно, известно предисловие Александра Сергеевича Пушкина к поэме-сказке «Руслан и Людмила» – «Лукоморье». Дальнейшая судьба героев этого небольшого вступления волновала многих поэтов, включая Владимира Семеновича Высоцкого. Но мы решили дать возможность этим героям рассказать самим о себе. Напомню некоторых из них.

Русалка. Жертва мутации. Возможно, повлияло падение Тунгусского метеорита или радиоактивное загрязнение, но у бедняги вместо ног вырос рыбий хвост и, как у Ихтиандра Беляева, появились жабры дополнительно к легким. Поэтому может существовать и на суше, и в воде. Не отличается высоконравственным поведением.

Леший. Лесное русское чудовище. Ухает и пугает путников. Прогуливаясь ночами по лесу, я слышал его уханье, но всегда думал, что это филин.

Кощей Бессмертный. Жертва то ли генетического эксперимента, то ли преступной халатности акушера, но при рождении ему удалили сердце, а его функции переместили в яйцо, да еще и потеряли где-то это яйцо. Благо оно функционирует на расстоянии с помощью неизвестных нам волн. Во время операции в яйце забыли иголку. В результате отсутствия сердца не боится ни ишемии, ни стенокардии, ни инфаркта, ни инсульта. Поэтому его считают бессмертным. Женщины его не любят, и ему приходится их воровать. Секса у него с ними не получается, то ли из-за отсутствия яйца, то ли по какой-то другой причине, и женщины уходят от него к героям без физических отклонений.

Баба-Яга. Русский аналог ведьмы. Особые приметы: нос в потолок врос. Живет в избушке на куриных ножках, у которой странная привычка поворачиваться ко всем задом. И ее приходится уговаривать повернуться передом. Иногда это срабатывает, в отличие от наших домов, которых никогда не удается уговорить повернуться.

Арина Родионовна. Крепостная няня Пушкина. Забывала ребенку голову разными сказками, которыми он, в свою очередь, забивал головы другим детям. Приучала беднягу к пьянству.

Итак.

«У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом».

Выходит кот.

Автор:

– Вот и котя.

«Идет налево – песнь заводит».

Кот начинает тихонько напевать.

Автор:

– «Направо – сказку говорит».

Кот:

– «Там чудеса: там леший бродит».

Автор уходит. Выходит леший.

Леший:

– Я леший, старый и дремучий, Засохший, сморщенный, колючий. Все говорят, что я злодей, Что убиваю я людей. Людей я никогда не трогал, Так, попугать любил немного. Люблю покой и одиночество, Мне видеть никого не хочется. А в чаще тишина, идиллия, Лишь грибки в лес заходили. А нынче толпы в чашу прут.

И не надо им грибов,
Пьют водку, жгут костры, орут.

Из-за сцены доносится:

«Мальчик хочет в Тамбо-о-о-ов».

Леший:

– О! Страшно, аж жуть!

Леший машет рукой и уходит.

Кот продолжает:

– «Русалка на ветвях сидит»

(или лежит).

Из середины дуба появляется лицо русалки.

Русалка:

– Жила я посреди пруда, Была красива, молода. Парней горячих завлекала, их целовала и ласкала. Где ночи, полные любви? Где ласки жаркие мои? Глаза потухли и морщины... Уж не идут ко мне мужчины. Мой рыбий хвост увидят только, и: «Глянь, черномыльская телка!». Но под водой живу не зря. Там 33 богатыря. Я с ними ласкова была и от кого-то родила.

«33 же мужика не желают знать сынка,
Вот считается пока – сын полка».

Русалка исчезает.

Кот продолжает:

– «Там лес и дол видений полны,
Там на заре прихлынут волны
На брег песчаный и крутой.
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской».

Выходит старый пьяный дядька Черномор.

Черномор:

– Вот это ты, котяра, зря. Где тридцать три богатыря?
Да, был я Черномор, воитель. Битв многих славный победитель. И водил я за собой воинов на смертный бой. Но русалки и наяды моим красавцам были рады.

Споили их, нас...

(подносит к лицу бутылку)

Их. В конце концов развратили молодцов. И те уйти решили спьяну кто в мафию, а кто в охрану. Остался старый, весь избитый, в сырости, с радикулитом.

Жить под водой мне бесполезно. В металлолом сдал всё железо. Остался только верный меч, участник многих славных сеч...

Уйду я в город. Буду рад я работать сторожем на складе.

Черномор уходит.

Кот продолжает:

– «В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит».

Появляются царевна и волк.

Царевна:

– Жила веселая девица. Мечтала в принца я влюбиться. Посватался какой-то мент, хоть, говорят, он президент. Папаша мне: «Не подведи. Скорее замуж выходи».

Я разозлилась, папаше кричу: «Я по любви, по любви хочу!».

Папаша вновь: «Пойдешь к нему, Иначе посажу в тюрьму».

И вот теперь одна в темнице сижу, несчастная девица. Одна я, без друзей скучаю. Лишь волк царевну навещает.

Волк:

– Даже на отдыхе взгляд насторожен, врагами жестокими я окружен.

Только свобода волку дороже, волк ни к кому не придет на поклон. Пусть опасуюсь я каждого звука, голоден часто бываю, зато не стану лизать я господские руки и никому не виляю хвостом.

Волку никто никогда не поможет, еды не подкинет голодной порой. Волк одинок, ненавидим, так что же? Преданный, злобный, но гордый герой.

В темнице навещу девицу. Хоть я и волк, но всё же я рыцарь.

Уходят.

Кот продолжает:

– «Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой».

Появляется Баба-Яга, тащит разбитую ступу.

Баба-Яга:

– Жила тихонько Баба-Ёжка, людишкам гадила немножко. Варила зелья, колдовала, детишек малых воровала. На кладбище могилы рыла, на девок порчу наводила.

Но тяжело стало бабке старой. От пакостей уже устала. Рассохлись ступа и избушка, ведь тоже дряхлые старушки. Деревья вырубил топор, кедровые пропали шишки и аппетитные детишки. На завтрак только мухомор, и горсть поганочек на ужин. А ведь питаться плотно нужно. Нет пенсии, нет медицины и рядом близкого мужчины.

Баба-Яга уходит, напевая:

– Как-то шла себе домой,
Увязался черт за мной.
Думала, мужчина,
Что за чертовщина?

Кот продолжает:

– «Там Царь Кощей над золотом чахнет».

Выходит Кощей.

Кощей:

– Всё говорят, что я бессмертный. Вы этим глупостям не верьте. Хоть я богат, живу я только пока не сломана иголка. Найти бы этих подлецов, кто положил иглу в яйцо.

Принцесс я, правда, воровал. Ведь я мужик, мне нужен секс. Но с ними был один обвал: какой тут секс с иглой в яйце! Я стар, уродлив, не упитан, в моем богатстве мало толка. Нет развлечений, аппетита и мучает в яйце иголка.

Уходит. Появляется автор.

Кот продолжает:

– «Там русский дух, там Русью пахнет».

Автор принохивается.

Автор:

– Точно пахнет. Вот она, родимая.
Достает из дупла бутылку.

Автор:

– Жаль, кружки нету, вот беда.
Аринушка! Иди сюда!

Появляется Арина Родионовна.

Автор:

– «Выпьем, добрая подружка славной юности моей.
Выпьем с горя. Где же кружка? Сердцу будет веселей».

Арина Родионовна:

– Ох, Сашенька, нигде нет кружки,
Стаканы дали мне подружки.

Арина Родионовна достает стаканы.

Автор наливает себе, Арине, зовет кота:

– Иди, котяра, отдохни
И самогоночки глотни.

Кот:

– Опять на Лукоморье пьянка,
Жаль, самогон – не валерьянка.
Расслаблюсь чуточку, вы правы.
Глотну немножечко отравы.

Автор:

– «И я там был, мед-пиво пил.
У моря видел дуб зеленый,
Под ним сидел. И кот ученый,
Свои мне сказки говорил...
Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой».

Все выходят на сцену.

Автор:

– Мы постарались представлением
Слегка поднять вам настроение.
Кому-то замысел наш ясен,
Но кто-то с нами не согласен.
Быть может, кто-то возмутился,
А кто-то просто посмеялся.
Нам ваше мнение неизвестно.
Надеюсь, было интересно».

Все кланяются.

Геннадий Исиков

Родился 29 июня 1948 года в городе Алма-Ата. Проживает в Дальнегорске, расположенном среди Сихотэ-Алинских гор в Приморском крае.

Магистр лесной академии, член Союза журналистов СССР, член Интернационального Союза писателей, победитель многих фестивалей и конкурсов.

Лауреат Московской литературной премии 3-й степени в номинации «Философия в художественной литературе».

Кавалер медали Интернационального Союза писателей «60 лет организации», медалей Антуана де Сент-Экзюпери, «125-летие Марины Цветаевой», Семёна Яковлевича Надсона.

Отрывок из романа «Наследники Дерсу» включен в 2014 году издательством «Союз писателей» в хрестоматию для старшего школьного возраста «Вечные чувства в стихах современности».

менных поэтов» в серии «Писатели XXI века», а в 2015-м и в хрестоматию «Стихи» для старшего школьного возраста «Мир глазами современных писателей».

В 2018 году вышел сборник «Альпийская роза Приморья» в серии «Современники и классики».

Книга «Наследники Дерсу» распространяется ЛитРес в России.

Номинант Лондонской литературной премии, премии «Ясная поляна», Премии Мира.

В 2019 издательство LAMBERT Academic Publishing, Берлин, через своих партнеров распространяет книгу «Наследники Дерсу. Книга первая «Пасека» в странах Европы, Азии, Америки, Африки.

НАСЛЕДНИКИ ДЕРСУ

Книга вторая

ЗДРАВСТВУЙ, СИНЯЯ!

– Две зимы жил на пасеке в Бала Топаре и три лета, с казахами не общаюсь. Надоело. Уехал в город, поступил на лесфак. Устроился на работу в Алма-Арасанское лесничество, там и познакомился с тобой.

– Судьба свела.

– Да, как говорится, в нужный момент и в нужном месте. А может быть, Светка постаралась?..

– Она мне о тебе рассказывала, я думала, что ты старше меня.

– А оказалось, что моложе.

– Узнала только в загсе, когда в твой паспорт посмотрела.

– Мы разве об этом думали, когда встречались?..

– Конечно, нет. Нам легко, просто и интересно быть вдвоем. Вот и весь секрет. И мы рядом, и нам хорошо.

Тропинка вдоль бархана привела к изгибу острова – зеленому оазису с блестящей серебряной листвой диких фиников.

Послышалась трель соловья и через секунды, тише, другая, затем третья... четвертая... пятая. Неумело, не похоже на первую.

Виталий с Людмилой насторожились. Они восторженно глянули друг на друга и стали вглядываться в листву деревьев.

Остановилась. Трели доносились из зарослей. Людмила, восхищенно улыбаясь, взором искала птичку.

Подожли к берегу поближе.

– Откуда тут соловьи?

– С древних времен, наверное!.. Выходит, что остров понравился не только мне и пчелам. Соловушкам тоже.

Всматриваясь в кроны деревьев, увидели, как на маленькой ветке стоит, вцепившись коготками в кору, соловушка. Вытянув шейку и раскрыв клювик, птичка издает мелодию.

Напротив нее на другой ветке сидят пять оперившихся пестреных птенцов и, прослушав маму, повторяют трель, каждый на свой лад.

Соловушка, наклонив головку, слушает. Усложняет, выводит трель то тоньше, то потише, то громче. Снова и снова, на разные лады учит петь.

Птенцы смешно и неумело вторят за мамой.

Завороженно постояв, любуясь птахами, пошли дальше вдоль изгиба реки по тропинке.

* * *

– Свадебное путешествие закончилось. Завтра в город возвращаемся. Неделька пролетела незаметно.

– Зато впечатлений хватает...

* * *

На другой день утром, позавтракав, отдохнули под навесом в утренней прохладе, простились с отцом и, собрав вещи, сели на мотоцикл.

Людмила уютилась на заднем сиденье, придерживая перед собой дорожную сумку.

– Ты меня снова не потеряй на каком-нибудь бархане!..

Проехали пыльной дорогой мимо двугорбого верблюда, домика татарина. Подъехали к затяжному бархану. Полуобернувшись к Людмиле, Виталий прокричал, перебивая треск мотоцикла.

– Вдвоем на бархане застрянем!.. По объездной поедем!.. А вот в этом месте!..

Наступила тишина.

– ...мы с тобой в прошлом году зимой познакомились, а до того, летом, после того как поступил в институт, прилетел в Бала Топар. Пришел на усадьбу лесничества, взял мотоцикл на пасеку поехать, и тут вдруг подходит ко мне незнакомая казашка лет сорока, красивая, стройная, улыбается и на чистом русском языке просит: «Отвези мою дочь к родственникам на стойбище, она хочет у родных погостить, это в двух километрах от твоей пасеки». И называет местность, где мы с тобой на днях в ковыле козленка видели.

Людмила понятно кивнула головой, давая понять, что это место теперь ей знакомо.

– Если по пути, то почему не оказать уважение к женщине? Не подвезти ее дочь к юрте?.. А самого сомнения берет. Помню, баранов рядом с пасекой никто не пас. И юрты не было. Ну, думаю, возможно, недавно пригнали отару. Как отказать? Не поймут. Закон такой, просят помочь, значит, помогать надо. Так принято. Согласился.

Завел свой любимый мотоцикл «Восход», черный, блестящий, привык к нему, десять лошадиных сил. Если один на нем едешь, то даже через крутой бархан перескочить можно, а если забуксовал, то спрыгнул с него, держишься за руль, газуешь, и, заведенный, он сам из песка вылезет, и опять на него на ходу сядешь и дальше едешь. Легкий мотоцикл, удобный.

Казашка апа садится на заднее сиденье, едем через поселок к ее дому. А в совхозе дома добротные, двухквартирные, с большими окнами, построены по единому проекту для всех совхозов страны. А вот заборы невысокие. Проволоку между столбиков в три ряда натянули, а меж ней вставлены стволы кустарников. Такая изгородь долго служит.

Привез женщину к дому, она пошла за дочкой.

Вижу, что соседи из окон за нами наблюдают, из-за штор выглядывают маковки маленьких детских голов, большие взрослых и стариков.

Апа выходит из дома, за ней молоденькая девушка лет семнадцати. А такая красивая!.. Мамка у нее красавица, а эта юная, как картинка!.. Залюбовался ей, она улыбается, поздоровалась, словно мы с ней сто лет знакомы. Легко, словно черная лебедушка вспорхнула, села позади меня на сиденье, я завел мотоцикл, едем через поселок, она наклонилась к моему уху и что-то говорит, говорит, говорит, и так щебечет мило, словно мы с ней давно не то что знакомы, а влюблены друг в друга. Мне это странным показалось, обычно так себя незнакомые девушки не ведут, скромница первой не заговорит с мужчиной. Ну, думаю, понравился дев-

чушке. Мать познакомить решила, вот и устроила этот спектакль, а, думаю, отвезу ее к родне, и на этом точку надо ставить, больше не соглашаться на такие предложения и никого не возить. Азия, дело тонкое.

В степи набрал скорость, девушка прижалась, обняла меня за грудь, и я вдруг спиной почувствовал ее пузочко, оно чуть-чуть выпирает!.. У меня пот на лбу выступил, так прошибло, словно в меня пуля влетела!.. «Беременная!.. Вот это влип так влип!.. Девчонка нагуляла ребеночка с каким-нибудь наркоманом казахом, есть такой в ауле, при встрече всякий раз на меня со скрытой ненавистью глядит. А мать казашка придумала, как грех дочери прикрыть и на меня свалить вину, – вот, мол, твой ребенок!.. Забирай кызымочку в жены, а не то убьют!

Иглы верблюжьих колючек впиваются в пальцы ног. Зной градусов под тридцать. Отъехали километр, аул скрылся из виду, до стойбища осталось еще столько же, и тут девчушка со всей злости кричит мне в ухо: «Хватит!.. Дальше не надо! Домой вези!..».

Я так обрадовался, словно тяжкий груз с плеч свалился! Развернулся, подвез девушку к калитке ее дома, а ее опять словно подменили, она счастливая, мило улыбается, что-то говорит мне на ухо!..

Вышла мать, улыбается с ехидцей, мило благодарит, апа счастлива!

Вижу, из окна дома соседи наблюдают, они свидетели, что встреча прошла мило, теперь я зять для казашки, а она мне мама! «В степь красавицу возил?! Возил!.. Карабчил? Карабчил! Значит, и свадьба будет на весь аул!.. Пир! Той, по казахскому обычаю!»

По душе в предчувствии беды заскребли когтями кошки...

На другой день еду я на мотоцикле с пасеки в аул, а в этом месте, где мы сейчас остановились, у дороги в объезд затаившегося бархана затаились молодые казахи в зарослях саксаула и тамарикса, каждый за кустом, чтобы не так заметно было. Парней десять, лет семнадцати и старше. Наркомана я узнал, он самый высокий!..

Мелькнуло: «Поджидают!.. Свадьбы не будет!.. Убьют!»

Участковый милиционер в беседе как-то сказал, предупреждая, что убили одного тут за аулом, а виновного не нашли.

Включив прямую, самую сильную, вторую передачу, дав полный газ, стал быстро-быстро вилять зигзагами меж кустов по пересохшей земле, отъезжать в сторону от этой компании.

В меня полетели обломки кирпичей, темно-красные с острыми углами, один пролетел перед лицом, другой над головой.

Переключаю на первую скорость. Торможу.

Пролетели возле рук. У ноги!

Кручу рукоятку газа до отказа, колесо рвет песчаную землю. Переднее колесо поднимается, мотоцикл рвет с места и набирает скорость.

Кирпич попал в выхлопную трубу.

Включаю вторую передачу и газую! Резко торможу.

Кирпич попал в сиденье и отскочил в сторону.

Газую, набираю скорость. Виляю мотоциклом то в одну сторону, то, изменив скорость, в другую.

Кирпичи летят рядом с ухом: сбоку справа, слева...

Я стал удаляться от парней, а кирпичи не долетать. Оторвался! Ни один обломок меня не задел. Мотоцикл спас. – Виталий показал рукой на заросли кустарника тамарикса, саксаула, песчаной акации. – А так бы забили кирпичами и зарыли в песок!.. Нескоро бы хватились. И не нашли бы. Свидетелей нет. И лесники промолчат и вряд ли пойдут искать. Они меня в первый же год по приезде хотели выжить из лесничества. Закон у казахов такой есть: что бы ни происходило, если он даже свидетель, он ничего не видел, не слышал, не знает. Мен бельмейн. Я ничего не знаю. И русские так живут. Я много раз прокручивал в памяти этот эпизод. Понял, почему засаду устроили, кому надо меня из лесничества выдавить. И решил,

что теперь уж точно из аула надо уезжать, в это лесничество на работу не возвращаться. Так что рошу из липы, акации, дуба и сад из яблонь и черешни на берегу реки Балатопарки мне теперь не посадить. Не успел.

Вернулся на пасеку, про эту историю родителям промолчал, лег от палящего солнца под деревом в тень на берегу речки и уснул. Ближе к вечеру поднялась температура, под сорок градусов, голова кружится, жар, но я поехал на мотоцикле в больницу. Приняла фельдшер, поставила диагноз «ревматизм сердца» и упекла на сорок дней на койку.

Ольга Камарго

Родилась 10 августа 1980 года в городе Краснодаре, получила образование по специальности «экономист по бухгалтерскому учету, экономическому анализу и аудиту» в Кубанском государственном аграрном университете.

С 2006 года живет в Санкт-Петербурге. В настоящее время является финансовым директором и соучредителем бухгалтерской фирмы.

На «Проза.ру» публикуется с декабря 2015 года под псевдонимом Ольга Камарго. Номинирована на премии «Писатель года» (2015–2018).

Вышла в финал в номинации «Детская литература» в 2016–2018 гг.

Произведения автора публикуются в литературных изданиях «Чешская звезда», «Три желания», «Край городов», в каталоге ММКВЯ (2016, 2018).

Также автор участвует в литературных проектах Интернационального Союза писателей: «Российский колокол», «Russian Bell», «Автограф», «Золотые пески. Русско-болгарский сборник».

Заняла 3-е место на фестивале «ЯЛОС-2017» в номинации «Детская литература». Номирована на премии имени Владимира Набокова, Антуана де Сент-Экзюпери, М. Ю. Лермонтова.

В 2018 году окончила литературные курсы имени А. П. Чехова и М. А. Чехова при Интернациональном Союзе писателей. Участник международной конференции «Роскон-2018».

Сквайр фантастики и детской литературы по итогам международной конференции «Роскон-2019».

Является членом РСП с 2016 года и ИСП с 2018 года.

СРЕДСТВО ОТ ЗАБЫВЧИВОСТИ

Жил-был Белый Кролик. Суетливый, пугливый, нервный, бегал по лесу от кого-то, путая следы. И всё время некто за ним шел, во всяком случае, ему так казалось. И он не останавливался, делая что-то на бегу, не успевая даже понять, получилось ли. А преследовали его еще не выполненные дела и обещания. И он уходил от них, а «хвост» не отставал – вместо одного вроде бы сделанного действия появлялись новые, требующие внимания.

А Белый Кролик всё время боялся опоздать, терял перчатки и веер. Особенно собираясь к Герцогине. Они ведь такие, эти высокопоставленные особы. Знаем мы, куда они ходят!

– Нельзя же так! – увещевала его Сова. – Рано или поздно выдохнешься, силы иссякнут. И что тогда делать?

И вот настал день. А может, утро. А может, вечер. Потому что сам Кролик не понимал уже, какой день и какое время суток, когда он «сгорел». Сел на месте от осознания, что не может больше сделать ни шагу. Он сидел и даже не понимал, что его не догоняют, а лишь не могут дозваться. Словно выпал из жизни, батарейки отключились.

Только день спустя он стал приходить в себя, медленно и верно. Шаг за шагом. Сперва он услышал пение птиц – и уши его зашевелились. Потом увидел Солнце в лесу – как оно пробивается через листву. И постепенно осознал, что сидит под деревом и не может сдвинуться. Сороки, сидевшие на дереве, загалдели, и он очнулся.

Зачирикали синички. Прибежали дальние родственники – зайцы. Пришли бурундуки, застучали дятлы. Прилетела, ухая, Сова.

– Ну что, Кролик, добежался? Я тебя разве не предупреждала, что этим всё закончится?

Кролик всё еще с трудом ловил себя в пространстве, понимая лишь то, что куда-то не успел. И это его нервировало, злило и раздражало.

Зайцы сообщили, что они нашли его перчатки и веер. И даже провели Герцогиню. Синицы доделали его статью для лесной газеты. Бурундуки натащили еды. Дятел, как глашатай, собрал всех на помощь. И Кролик сможет заниматься делами, но после отдыха и не всеми сразу.

Кролик восстанавливался быстро и мог уже бежать. Да только понял он, что не нужно всё время это делать. Стал он бежать медленнее. Да еще и белки-озорницы подзуживали:

– Как белка в колесе! Совсем как мы!

И вот что странно – медленнее бежит, а успевает больше. И перестал терять перчатки и веер...

МАРТЫШКИН ДОМ

Завела себе Мартышка дом. Нашла дерево повыше да пораскидистее и решила в нем расположиться. Натащила веток и листьев, раскинула шатер и пригласила друзей на новоселье.

Пришли белки. Жилье оценили, но заметили:

– У тебя тут высоко. А вдруг упадет вместе с листьями? Надо шатер закрепить получше.

Жираф поздравил, но сказал:

– Высоко слишком. Зверям не дотянуться. Спустилась бы пониже.

Птицы прилетели. Посоветовали:

– Сверху маловато листьев, в дождь всё промокнет. Надо сверху тент натянуть, как люди делают.

Слон притопал. Раскритиковал за то, что слишком легкое строение.

Медведь заглянул. Отметил, что далековато и от пчел, и от маличника.

Тигр – что слишком долго вылезать из дома. Пантера – что слишком всё открыто, не защищено. Барсуку корни дерева показались ненадежными. Кому-то не хватало в доме света, кому-то воздуха. А кому-то и наоборот, было много. Были те, кто считал дом слишком высоким. И те, кто низким. И так далее.

У хозяйки медленно, но неотвратимо портилось настроение. Уже не хотелось идти за угощением и вообще... Придется, наверное, переезжать и всё переделывать.

Позже всех, вечером, прилетела Сова. Послушала она разговоры, увидела, что Мартышка совсем расстроена. Говорить при всех ничего не стала, только похвалила дом да поздравила с новосельем. Подарила коробку для всякой всячины.

Гости разошлись, обсуждая, что Мартышка-то наша совсем поникшая, надо бы помочь ей всё переделать. А Сова осталась еще, решив поговорить с хозяйкой. А та, кажется, вот-вот заплачет. Только гостя жалеть ее не собиралась, так, захотела научить кое-чему.

– Мне очень понравился дом, только я не понимаю, почему ты так расстроена в новоселье.

– Да вот, видимо, всё не так, как надо. Придется переделывать, а может, переезжать даже...

– Подожди, зачем? Разве ты недовольна тем, что получилось? Мне казалось, когда ты созывала всех, ты была счастлива?

– Так все ругают только!

– А жить в этом доме кому?

– Мне.

– Ты будешь жить с кем-то из них? С пантерой, может быть? С жирафом? Уверена, что нет? Тогда зачем ты всех слушаешь и под всех хочешь подстроиться? Это же твой дом?

– Это ведь друзья. Они добра хотят...

– Конечно, хотят. Друзья же. Но ты должна иметь собственное мнение о том, что для тебя хорошо. Ты делала дом для себя и была им довольна. Зачем же всех спрашивать, как тебе жить?

– Я не спрашивала. Сами по дружбе сказали, помочь решили.

– Молодцы. Пусть помогут. Вместе работать веселее. Только зачем делать для кого-то? Хотят помочь – пусть помогут так, как ТЕБЕ нужно. Не разрешай всем наводить порядок внутри твоего дома. Ведь он перестанет быть твоим.

– А вдруг они лучше знают?

– А вдруг – хуже? Они же не живут жизнью обезьян. Всё сделаешь по их рекомендациям, а жить не сможешь. Или не захочешь, а из признательности – придется. Как тогда быть?

– А как сейчас быть? Они ведь придут помогать.

– Вот и прекрасно. Попроси помочь в том, что тебе самой нужно. И увидишь, все ли друзья.

На следующий вечер пришли вчерашние гости. Попросила Мартышка помочь ей утеплиться да украсить дом вместо переезда. Кто-то даже ушел. Но почти все остались ей помочь, и все они прекрасно провели время.

КОЛЮЧАЯ ИСТОРИЯ

Розы росли в теплице в больших количествах. Самых разных сортов и цветов. Лишь одна из красавиц росла на отдалении от великолепия шикарных кустов. Её так же поливали и согревали, как и остальных. Но она была замкнута и необщительна. Красивая, но отрешенная от всего.

По первости остальные розы пытались ее разговорить, втянуть в общие дела, утренние ритуалы встречи солнца. Потом оставили в покое, убедившись в бесполезности усилий. И вдруг...

Цветок стал раскрываться по-особенному. Обычно бутон открывался немного, на рассвете, и быстро отдавал почти весь аромат. А тут – такое чудо! Красавица раскрывается медленно, иногда стыдливо прикрываясь. Будто видит или слышит нечто.

А рядом, за теплицей, рос Шиповник. Он вился по ограде, создавая колючую изгородь. Крепкий и упрямый. Его неоднократно пытались пересадить в другое место. Однако он вновь оказывался здесь. Как его в новом месте ни холили и ни лелеяли, а всё одно – расцветал только у этой теплицы. Оплетал столбики, словно ненавязчиво прорастая в розарий.

Подметили случайно, что и Роза сияет, когда своенравный Шиповник оказывается поблизости. В огромном хозяйстве было много оранжерей, розариев только штук пять, но он облюбовал одно это место.

А среди красавиц – охи да вздохи. К кому это сорванец приходит так настойчиво да в окно стучится? Одна другой краше, на свой счет каждая принимает, каждой приятно. А гость никого не выбирает – во всяком случае, виду не подает. Подруги перешептываются да переглядываются. Притворяются, что им и дела нет до него. И лишь одинокая Роза молча раскрывается да отворачивается.

– Девочка моя, ну почему ты не смотришь на меня? Ведь я только для тебя и прихожу! – шептал Шиповник.

– Ах, оставь... В розарии каждая думает, что ты именно её охмураешь.

– Ты зря меня обижаешь. Ни одна из них не может похвастаться, что я оказываю ей знаки внимания. А ты изводишь меня своей холодностью. Ах, умираю!

– Нет, не надо, слышишь? Ты нравишься мне с того самого дня, когда случайно забрел в розарий, помнишь?

– Это я рос здесь... А ты пришла случайно. И не хотела расцветать, одна... Потом уже здесь сделали розарий, появились кусты, а меня пересадили.

– Ты больше не умираешь?

– Нет, раз ты просишь... Поживу пока. А ты ревнива...

– Конечно же. Тебя так долго не было... Я совсем извелась...

– Милая, меня не пускают... Пересаживают... Не знаю, сколько у нас есть времени...

Может, только вечер и ночь.

– Да пересадите вы их вместе! Смотрите, как она расцветает при нем, – сказал специалист по оранжереям. Он ничего не знал про шиповник, но очень хорошо разбирался в розах.

– Это ведь неправильно, – спорили садовники. – Везде пишут, что розы нетерпимы к другим цветам, и опыт это подтверждает.

– Но факты – упрямая вещь. Как вы ни ухаживаете за ними, эти двое расцветают только вместе. Вызовите дизайнера. Пусть поможет с композицией.

– Может, просто пересадить его в оранжерею?..

– Не стоит, я думаю. Ваша красавица ревнива. Роза не может быть иной. И подруг у нее нет здесь.

На следующий день дизайнер переформировал ограду, пересадил капризный цветок, и Роза и Шиповник оказались совсем близко друг к другу. И расцвела красавица и засияла. И Шиповник дал яркие цветки. Он укутал любимую колючками. И она постепенно разрослась в куст. И несколько бутонов изумительно раскрывались. Здесь был их уголок дикой природы, пройти было сложно. Они шептались о чем-то, шелестя листьями. Казалось, им не наговориться. Люди не понимали их. Но это не имело никакого значения...

Надежда Колышкина

Если бы каждый из нас коротенько написал о своей семье, а кто-нибудь догадался свод этих исповедей издать, я думаю, занимательная вышла бы книжка. А возможно, и страшная.

Жизнеописание свое, разумеется, надо начинать с детства. А оно всегда прекрасно, и не важно, родился ли ты на шелковых простынях или пеленали тебя в застиранную холстинку. Босоное детство, пожалуй, даже ярче и веселее зажатого в распорядки и регламенты детства тех, кто появился на свет «с золотой ложкой во рту».

Мое детство наградило меня воспоминаниями о росистых лугах Вологодчины, о трех рябинах, заглядывающих в окна избы, да о трех камнях на пригорке, что остались от часовни Николая Чудотворца, порушенной «нехристями», как говорила бабушка, крестясь на камни. Нам с сестрой креститься на камни не полагалось, потому что мы были октябрятами, хотя и тайно крещеными в лесном храме, построенном неизвестно кем и когда.

На разговоры о лесном храме и вовсе был наложен запрет, поскольку папа и мама мои были коммунистами, оба прошли войну, свято верили в светлое будущее страны, победившей фашизм, и не позволяли забивать детям голову суевериями и прочей чепухой. Вера, как известно, подкрепляется Надеждой, вот мне и досталось столь светлое имя.

Не менее суровы были и родители моего будущего мужа: комиссар Брухнов, трижды Георгиевский кавалер, и поэтесса Шишова – «фарфоровый божок Одесского Парнаса». Уверенные, что ни наций, ни государств со временем не будет, поскольку победит Интернационал, они дали мальчику звучное имя Марат, понятное и узбеку, и французцу. Имя это, впрочем, очень ему подходило, а встреча наша была predetermined Судьбой.

Мой отец, Кольшикин Иван, окончив войну в звании полковника, получил назначение в Одессу, куда вскоре переехала и вся наша семья. Однако время на Небе и на Земле течет по-разному, и мы с Маратом чуть не разминулись.

Комиссар Брухнов, отец моего мужа, погиб в 37-м под Архангельском, сосланный туда по доносу, и они с матерью, претерпев все лишения ЧСВН (член семьи врага народа), перебрались в Ленинград, где на них обрушилось испытание поистине космического масштаба. Зика (так звали Зинаиду Шишову друзья по «Зеленой лампе») писала в поэме «Блокада»:

Дом разрушенный чернел, как плаха,
За Невой пожар не погасал.
Враг меня пытал огнем и страхом,
Материнской жалостью пытал...

Товарищи Шишовой по литературе оказались куда надежней товарищей Брухнова по партии, и благодаря усилиям секретаря Союза писателей Фадеева и друга детства Валентина Катаева блокадница Шишова с сыном оказались в Москве, где Марат, едва оправившись от дистрофии, добровольцем пошел на фронт.

Война пощадила сына комиссара, и Марат вернулся к матери и к мирной жизни в звании гвардии сержанта. Тут уже было делом случая – направить меня через Томск, где я училась на историко-филологическом факультете университета, в Москву, где, завершив образование, я стала литературным секретарем детской писательницы Шишовой. Разумеется, я пропускаю десятилетия многотрудной нашей жизни, поскольку более подробно все это изложено в статье «Наш путь был отмечен пунктиром», опубликованной в книге «Сильнее любви и смерти».

Марат к тому времени работал редактором серии «Жизнь замечательных людей», и, помогая ему и его матери, я как-то плавно вошла в литературу и в их жизнь.

Эта счастливая пора продолжалась без малого 40 лет, включив и 27 лет работы в издательстве «Прогресс», где мне довелось общаться с корифеями исторической и философской мысли.

Семья наша была хлебосольной, и на кухнях (а мы поменяли не одну квартиру) собирались компании друзей, о которых, увы, уже можно сказать: «иных уж нет, а те далече». Нет остролова Виктора Вучетича (сына известного скульптора); нет художника Оси Чуракова, перебравшегося в Америку, нет гениального сына гениальных родителей Льва Гумилева, с которым я была не только дружна, но и имела честь быть редактором его научных трудов. Ушел и последний из мозикан – Эрнст Неизвестный, с которым дружил в годы юности Марат.

Самые скорбные утраты – это потеря Родины и Семьи. Когда меня покинули и Марат, и Зика, сделав меня душеприказчиком, я исполнила их последнее желание – покоиться в родной земле. Их воля определила весь мой оставшийся жизненный путь. Вот и спую я теперь, безутешная, между двумя одинаково родными мне городами – Москвой и Одессой. Книги мои пишутся под шум морского прибоя, а издаются под нескончаемый гул Москвы. Но все трудней эти перемещения, и это – увы! – зависит не только от меня.

Утешаться приходится извечной народной мудростью: «нет худа без добра». Необъятная наша Родина, которая была нашим общим домом, уменьшившись в размерах, не рухнула, а просто расплескалась. И теперь, куда бы я ни приехала: в Грецию ли, бескорыстно пода-

ривицию Европе великий принцип демократии, в надменную ли Британию, до сих пор несущую «бремя белого человека», или в Германию, старательно демонстрирующую гостеприимство, – всюду меня встречают как желанного гостя. А родная моя Одесса категорически отказывается видеть во мне чужестранку!

Может быть, эти строки покажутся не вполне толерантными, но я ведь человек из Прошлого, в чем честно и признаюсь. Герои моих книг – те и вовсе из Вечности, поскольку подпитывает мое перо мировая мифология, начиная с индийских Вед и заканчивая греко-римским Мифом. А богам, как известно, всегда позволялось многое. Вот и я, набравшись у моих героев свободомыслия, позволяю себе в своей серии «Споры богов» некоторые вольности, в частности, выносить человечеству весьма нелицеприятные оценки. Тем более что духовным идеалом для меня был и остается наш великий свободолюбец Александр Сергеевич Пушкин, творивший во времена не менее драматичные, чем те, что выпали на нашу долю. А он Судией считал одного лишь Бога.

Веленью Божию, о муза, будь послушна.
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

(Из стихотворения А. С. Пушкина «Памятник»)

ТЫ ПРИШЕЛ МЕНЯ КУПИТЬ?

Атлас недоумевал. Для чего его вызвали на Крит, служивший Зевсу для тайных свиданий с новой пассией, Европой? Поговаривали, что Громовержец, пребывая в облике быка, умыкнул дочку царя Агенора, но не вернул ее в Финикию, натешившись вволю, а поселил на обезлюдившем после Потопа острове.

И только оказавшись во дворце Европы, Атлас понял, что призван для выполнения весьма деликатной миссии – требовалось перенастроить генетическую программу чудо-бычка, чье рождение также было покрыто тайной. Пытаясь скрыть от любопытных взоров несчастный плод греховной связи, бычка поселили в подземелье, представлявшем собой лабиринт, возведенный умельцем Дедалом.

Атлас сам был сыном Посейдона от смертной и мог уродиться кем угодно, примером чему был брат его, крылатый конь Пегас, а посему он искренне сочувствовал мутанту, понимая, что будущее несчастного теляти целиком зависит от вынесенного им вердикта. По составу крови, лимфы и костного мозга Атласу надлежало определить, бык ли это по своей генетической сущности или человек и много ли в нем божественной природы. Иными словами – ихор ли течет в жилах мутанта или обыкновенная бычья кровь.

После весьма церемонного знакомства с Европой и ее веселыми резвыми детишками, Миносом и Радамантом, Атласа доставили в нижний ярус дворца, имевший выходы в лабиринт. Там ему предстояло осмотреть своего будущего пациента, унаследовавшего черты то ли быка, то ли смертной девы, то ли кентавра, как заметил мельком Зевс, явно не желавший углубляться в подробности.

Однако взору Атласа предстал и не бык и не кентавр. Невинное рогатое существо лицом напоминало Европу, однако сияние ярких фиолетовых глаз выдавало в нем божественную породу. Мутанта вовсе не портил довольно частый в прошлые времена изъян, когда нижняя часть тела носила ретроградную форму парнокопытного, однако поведенческие навыки выдавали в нем человека. Завидев гостя в синей тоге атланта, несчастное создание неуклюже под-

нялось на задние копытца, как это делает пес, желающий заслужить похвалу хозяина, и чего никогда не сделал бы упрямый бык, а тем более гордый кентавр.

Атласу одного взгляда хватило, чтобы понять: мутант появился в результате любовной игры его божественного родителя, принявшего во время сокоупления со смертной образ зооморфа. Мелькнуло подозрение, что Зевс исчез, едва спустившись в лабиринт, дабы избежать лишних вопросов. Но прозорливому сыну Посейдона и не нужны были чьи-то пояснения. Он верил только своим глазам и ушам. А также Науке. Кроме того, у него был при себе Хрустальный череп, столь необходимый при диагностике.

Бычок, привалившись к стене, угрюмо поглядывал на незнакомца в синей тоге. Ему очень хотелось опуститься на передние копытца, но еще больше хотелось быть похожим на молодежавших парней, которых регулярно присылала к нему красивая богиня Афина.

Полагая, что мутант не владеет членораздельной речью и чтобы не смущать его расспросами, Атлас включил Хрустальный череп, позволявший считывать чужие мысли. И в мозг его потекли сбивчивые горькие признания:

– Когда я замерз и завернулся в синюю подстилку, Афина засмеялась и сказала, что я теперь почти как атлант. И этот высокий господин кутается в синий плащ. Значит, он с Атлантиды. А там живут самые справедливые люди. Это Гефест сказал, когда замки на стойло навешивал. Он ворчал, что вот атланты никого на цепь не сажают и замков на загоны не вешают... Как бы сделать так, чтобы гость забрал меня с собой на Атлантиду? Я бы бегал там по траве, сколько хотел... играл бы с бычками и мальчишками... Но вряд ли ему нужны уроды... Надо продержаться как можно дольше, не опускаясь на передние ноги, и вести себя, как ребята, которых привозит строгая, но справедливая Афина. Те тоже поначалу робели и переминались с ноги на ногу, готовые развернуться и убежать. Но от Афины не убежишь, кроме того, сад огорожен такой стеной, что даже я перепрыгнуть не могу.

Раздался глубокий вздох, после чего череп отключил функцию прямой речи, и в мозгу Атласа стали рисоваться картины цветущего сада, полного птичьего гомона и звонких мальчишеских голосов. Ребята явно о чем-то спорили.

– Не позорьте меня, поприветствуйте нового друга! – послышался властный голос Афины. – А то Минотавр решит, что в Аттике живут дикари.

– Приветствуем тебя, наш новый друг! – ответил хор ломких юношеских голосов.

А дальше понеслось бормотание:

– Но мы с ним играть не будем. Он нас забодает или съест. Он совсем дикий.

– Зато вы просто трусы! – язвительно бросила богиня. – Выходит, зря я учила вас бегать?! А ну-ка, наперегонки! До противоположной стены.

Совет Афины был равен приказу, и мальчишки выстроились в ряд. По знаку богини все кинулись вперед. Бежали, стараясь не толкаться и не наступать друг другу на ноги, потому что правилами это было запрещено. Да и деревья мешали. Особенно осторожничал Минотавр, понимая, что своим копытом может больно ранить и мальчишки больше никогда не согласятся поиграть с ним. Но всё равно он прибежал к финишу первым. Забег повторили. Потом еще и еще! И каждый раз Минотавр изо всех сил пытался отстать, но приходил первым.

Он даже специально засиживался на старте, чтобы афинянам было не обидно, однако его уловка не укрылась от богини.

– Не поддаваться, это нечестно! – резко выкрикнула она.

– Нееет, чееестноооо... – набравшись храбрости, глухо промычал Минотавр.

Глаза богини, и без того круглые, чуть не выкатились из орбит.

– Да ты и говорить умеешь?! – воскликнула она. – Тогда объясни, почему честно давать фору сильным, тренированным мальчишкам, будущим воинам? Ты что, заведомо считаешь себя победителем?

Было видно, что Минотавр с трудом подбирает слова, но он старался говорить ясно и четко, как отвечали своей богине афиняне.

– Ммыы! Мы не равныы! – сказал он протяжно и уныло.

Афина подошла, потрепала теленка по загривку, и слова стали выскакивать сами, почти без запинки.

– Мы с ними разные, – бодро отчеканил Минотавр. – У меня четыре ноги, а у ребят всего по две. Значит, мне надо два раза пересечь сад, а им один, тогда будет справедливо.

Тут уж богиня едва не лишилась дара речи, а мальчики запрыгали, хлопая в ладоши.

Когда шум утих, Афина ласково погладила Минотавра по голове, отчего рожки вроде стали короче, и, обернувшись к мальчикам, сказала:

– Я думала, вы будете учить Минотавра, но, оказывается, вам надо у него поучиться. Вам созданы все условия, а вы год палочки на песке чертили, потом на пальцах показывали, прежде чем счет освоить. А Минотавр своим умом до всего дошел. Что касается понятий о чести и честности, боюсь, некоторым из вас эти материи вообще не доступны.

Богиня говорила так мудрёно, что мальчики заскучали, да и Минотавр стоял, понуро опустив голову. Афина смилостивилась и закончила свою речь очень просто:

– Оставляю вас с Минотавром на декаду, потом вас сменит другая команда. Вас будут тут кормить и поить. Самим не воровать и ничего не выпрашивать. Ночевать будете под открытым небом или под навесом, купаться вместе с Минотавром, с ним же будете играть, а после игр – разговаривайте друг с другом, о чем хотите. Еще одно условие – без причины не драться, обидных прозвищ не придумывать.

Усмехнувшись наставлениям Афины, Атлас отключил череп. Он решил поговорить с Минотавром напрямую, но тот опередил его.

– Желая здравствовать, высокий гость! – внятно произнес теленок, выжидая удобный момент, чтобы незаметно опуститься на передние ноги, поскольку стоять навтыжку было невозможно.

– И тебе, дружище, желаю здоровья и долгих лет жизни! – торжественно отвечал Атлас. – Но почему ты назвал меня высоким гостем? Ведь ты, когда стоишь во весь рост, не ниже меня!

– Вы мне льстите, – понуро опустил голову Минотавр. – Наверняка ниже, да и ходить по-человечески «на своих двоих», как говорит Гефест, я почти не умею. Он тоже хромает, но всё-таки ходит, и быстро. Как я ему завидую! Как многое он умеет!

– Ну, ходьбе я тебя обучу, не сомневайся! Еще марафонцем будешь, всех олимпийцев обгонишь, – воскликнул Атлас, радуясь, что с мутантом, оказывается, помимо Афины, работает и Гефест. Значит, золотые руки кузнеца и его смекалка будут им в помощь.

– Ты пожелал мне здоровья и долгих лет жизни, но здоровье не продлит мне жизни, – с горькой усмешкой молвил Минотавр, опускаясь наконец на все четыре ноги. – Ребята с Аттики не очень умные, но честные... Они мне всегда говорят правду, о которой умалчивают другие. Так вот, они сказали, что телят обычно продают для потешных боев, когда выкормят и достаточно их натренируют. Ты пришел меня купить?

Атлас стоял, потрясенный. Он твердо решил сделать всё возможное, чтобы не только Европа, но и Зевс гордились своим сыном.

– Минотавр, я прославлю тебя в веках! – уверенно молвил сын Посейдона. – Люди перестанут почитать богов, будут смеяться над святынями, забудут о моей родине Атлантиде, и только легенда о Минотавре останется вечной загадкой, тревожащей умы и сердца. А что может быть почетней для смертного, чем Слава людская?

– Слава среди равных, – серьезно отвечал бычок. – Но это мне недоступно, потому что я не такой, как все!

– Но это же прекрасно! – воскликнул Атлас. – Быть не таким, как все – это высшая награда, которую могут даровать боги!

В лиловых глазах Минотавра мелькнул горделивый огонек.

– Готов с тобой согласиться. Ты тоже не такой, как все, и мне это очень нравится.

Екатерина Кольцова

Живет в Москве. Окончила физический факультет МГУ. Писатель, художник, физик, аудитор, создательница семьи и двух прекрасных детей. Любимые писатели: Фолкнер, Бунин, Мюзе, Гамсун, из современных Пелевин и Рубина. Любимый художник Клод Моне. Политических пристрастий нет. Любит в одиночестве гулять в лесу.

ЖИТИЕ СВЯТОЙ ШЛЮХИ

Она металась по камере, заламывая руки. Четвертовать?! Женщину?! Да как они могли, что же это! Нет, ее нельзя четвертовать, это очень больно. Нет и нет! Она не может этого допустить. Она то принималась рыдать, то рвала на себе волосы и дошла бы до полного безумия, если бы вдруг не услышала слабый писк:

– Что случилось?

– Кто тут? – изумленно спросила Женщина. В камере она сидела одна, звук шел откуда-то изнутри.

– Я, твой ребенок, – сказал писклявый голосок. – А что случилось, мама?

Женщина остановилась и внимательно в себя вчувствовалась. Действительно, прямо над пупком она заметила склизкий комочек, который и издавал слабый звук. Само появление ребенка не было для нее сюрпризом, но она удивилась, что он так рано заговорил.

– Ты мальчик или девочка?

– Пока не знаю. А как лучше?

– Лучше будь мальчиком, мужчинам проще. В этом мире всё принадлежит им, а женщина для них что-то среднее между кошкой и собакой.

И она снова зарыдала.

– Мама, что случилось? – повторил свой вопрос писклявый голосок.

Женщина вздохнула и рассказала свою печальную историю.

– Я родилась в бедной семье, в десять лет родители отдали меня в публичный дом. Я старательно выполняла свои обязанности, была на хорошем счету. К двадцати пяти я накопила денег, ушла от хозяйки и стала зарабатывать самостоятельно. Мои клиенты были приличными людьми, с отребьем не путалась. И вот однажды я случайно от кого-то забеременела. Сначала я испугалась, а потом поняла, что теперь никогда не буду одна. Ах, какая это была эйфория! Я гуляла по улицам, шли апрельские дожди, червяки вылезали на асфальт, розовые и серые, толстые и тонкие, уже размякшие и еще крепкие... Ах, как я любила этот дождь, и этих червей, и этот город, и тебя, мой маленький! Я любила весь мир, и мир обожал меня в ответ.

Но тут я подумала: как же ты будешь расти без отца? Я решила поговорить с каждым своим клиентом и начала с самого достойного – крупного бизнесмена и депутата. Я была уверена, что он будет счастлив, как и я, но он даже слушать не стал. Выгнал меня как поганую суку, кинув денег на аборт. Что мне было делать? Разве я могла оставить в живых человека, который так относится к твоей матери и желает смерти тебе?..

Он стал первым, кого я убила. Все остальные вели себя не лучше. Ни один не захотел признать твое существование, и вот теперь все они повержены. Тебе ничто не угрожает, сынок, больше никто в этом мире не хочет тебя убить...

Но однажды я потеряла бдительность. Меня схватили, судили и приговорили к смерти. К четвертованию! И только то, что я беременна, отсрочило исполнение приговора. Теперь они ждут твоего рождения, чтобы осуществить свой недостойный замысел, проклятые ублюдки!

И Женщина со всей силы ударила кулаком по стене камеры.

– Но нет, послушай, у них ничего не выйдет! Мы с тобой со всем справимся, вот увидишь. Давай обманем их, давай расправимся с ними? Ничего, они еще узнают, как приговаривать к четвертованию женщину!

Быстрыми движениями она пригладила волосы, села на тюфяк и стала грызть заплесневелый хлеб.

– Эй вы! – крикнула она. – Я беременна, я ношу ребенка! Как вы смеете кормить невинное дитя заплесневелым хлебом?

Она кричала так до вечера и докричалась до общественности. Общественность решила, что негоже кормить дитя корками, и назначила Женщине должное питание.

Мальчик рос, они выбрали ему имя Руслан. Они много беседовали, и Женщина рассказывала ему о мире всё, что помнила и знала. О ветре и горах, о полях и лесах, о деревьях и птицах, о морях и океанах, о мужчинах и женщинах, о кошках и собаках, крысах и пауках, о теореме Виета и творчестве Набокова, да много еще о чем! Руслан был очень сообразительный мальчик и сильно любил мать: не было и речи о том, чтобы она умерла после его рождения.

Когда ему исполнилось шесть месяцев, он впервые ткнул маму ножкой.

– Да, тебе нужно помещение побольше, – засмеялась Женщина.

И тут ей в голову пришла спасительная мысль.

– Вот что мы с тобой сделаем, мой дорогой, – радостно сообщила она сыну. – Ты просто не будешь пока рождаться. Мы подождем, пока меня оправдают. Ведь не могут же нормальные люди в самом деле осудить женщину за то, что она не захотела убивать своего ребенка? А мужчины, которые желали малышу смерти, разве сами не заслужили ее?

В этот день они еще долго радовались, смеясь над тем, что такая простая мысль не пришла им в голову раньше.

Прошло девять месяцев, потом год, потом два, а ребенок всё не рождался. Общественность города недоумевала. Врачи осматривали Женщину еженедельно, находили внутри живого и здорового малыша и были вынуждены признать, что мальчик развивается нормально. Казнить Женщину было нельзя, и в конце концов ее оставили в покое.

Руслану исполнилось три, он пошел в детский сад. По мере его взросления Женщине стало не хватать места в камере. Она обратилась к мэру, он выделил ей сначала камеру побольше, затем отдельный этаж в тюрьме, а затем город был вынужден построить для нее отдельное просторное здание. Его поместили на небольшом острове, который, как известно, со всех сторон окружен водой. Женщина была уже такой огромной, что не могла передвигаться самостоятельно. Поэтому не могло быть и речи о том, что она могла сбежать.

Однако в городе появилось множество сторонников Женщины, мечтавших устроить ей побег. Было организовано Общество Женщины, ежегодный взнос в которое мог позволить себе только очень богатый человек. Власти, прознав об этом, поставили вокруг острова усиленную охрану. Им пришлось объявить дополнительный призыв в армию и выделить определенные средства на ее содержание.

Тем временем Руслан рос, он пошел в школу, а затем в университет. Это был милый юноша, веселый и дружелюбный. Он рисовал и фехтовал, музицировал и боксировал, и, кажется, не было предела его разнообразным увлечениям и талантам. Со временем всё больше стала проявляться страсть к экономическим наукам и математике. В университете он специализировался по математическим методам в экономике. Защитился на отлично, поступил в магистратуру, затем защитил кандидатскую и устроился на работу.

В этот момент Женщине стало совсем тесно и голодно на острове. Город нес на себе ответственность за огромное количество людей, живших внутри нее, но кормить их всех становилось не под силу. Были увеличены налоги, повышены экспортные пошлины, да что там говорить – экономика города была мобилизована, а средств на содержание Женщины всё равно не хватало. В городе началось недовольство, проходили марши протеста. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Власти обратились за помощью к президенту страны.

Президент, недолго думая, распорядился Женщину оправдать и отпустить. Однако родственники убитых Женщиной, прямо скажем, не последних людей организовали протесты по всей стране. Обстановка накалялась, страна катилась к гражданской войне. К Женщине были подсланы киллеры, но, оказавшись новичками в таком непростом деле, не смогли добраться ни до одного жизненно важного органа.

Получившая несерьезные ранения Женщина обратилась в Европейский суд по правам человека. Было принято решение о выделении ей отдельного острова в океане, который соответствовал размерам находящейся в ней популяции. Средства на содержание выделяли различные благотворительные фонды, поддерживающие детей и женщин.

Теперь Руслану ничто не угрожало. Он женился на прекрасной девушке, напоминавшей ему молодую мать, завел детей, затем появились внуки. Он организовал пенсионный фонд и много лет был его бессменным управляющим, пока не вышел в отставку. А тем временем Женщина чувствовала себя всё более старой, и в один прекрасный день она поняла, что может умереть. Она посоветовалась с семьей и решила родить.

Она рожала несколько лет. Родила Руслана с его семьей, его детский сад, который всё еще функционировал, школу, университет со студентами и профессорами, фирму, в которой он работал до пенсионного фонда, город, в котором он жил вместе с его многочисленными жителями, пенсионный фонд и многое другое, что накопилось за все эти годы. Она рожала и рожала, корчась от тошноты и непрерывных схваток, и через три года, родив последнюю кошку, она умерла. Предсмертная мысль, посетившая ее, была кошунственной: «Я терпела безумные родовые муки много лет. Надо было соглашаться на четвертование...»

Вскоре после погребения в мире произошло несколько знаменательных событий.

Во-первых, Руслан стал президентом страны, в которой родилась Женщина. Предвыборная кампания проходила сложно, недовольные сопротивлялись, но у Руслана были накоплены такие значительные активы и он обладал такой силой убеждения, что они вскоре смирились.

Во-вторых, система образования, принятая в университете, где учился Руслан, была признана лучшей в мире. Признание не прошло гладко, было множество недовольных, однако у Руслана были накоплены такие активы и он обладал такой силой убеждения, что недовольные вскоре умолкли.

В-третьих, Женщина была причислена к лику святых. Церковь поначалу сопротивлялась, однако у пенсионного фонда Руслана были накоплены такие активы, а его управляющие обладали такой силой убеждения, что вскоре для составления ее жизнеописания были призваны лучшие умы, а для мощей Женщины был построен один из самых роскошных храмов в мире.

Саша Кругосветов

Писатель, куратор Санкт-Петербургского отделения Интернационального Союза писателей, член Международной ассоциации авторов и публицистов АРИА (Лондон).

Известен как автор серии книг для детей о путешествиях капитана Александра и произведений для взрослых в жанрах публицистики, фантастики и художественной прозы.

Произведения для взрослых вошли в книги «Сто лет в России», «А рыпаться всё равно надо», «Живите в России», «Послания из прошлого», «Птицы», «Светящиеся ворота»,

«Заметки в ЖЖ», «Бывальщина и небывальщина», «Сжечь мосты», «Пора домой», двухтомник «Остров Мория. Пацанская демократия», «Прогулки по Луне», «Возвращение домой», двухтомник «Цветные рассказы», «Клетка», «Уже или еще?».

Награжден медалями имени А. С. Грибоедова, Адама Мицкевича, Мацуо Басё, С. Я. Надсона, В. В. Хлебникова, орденом Кирилла и Мефодия, медалью «А. С. Пушкин – 220 лет».

Среди наиболее значимых литературных наград – премии фестиваля фантастики «РосКон»: «Алиса» (2014) и «Серебряный РосКон» (2015), «Специальный приз оргкомитета конференции РосКон» за вклад в развитие фантастики (2016), «Рыцарь Фантастики» (2017), «Золотой РосКон» (2019 г.), Московская литературная премия по итогам сезона 2014 года (гран-при лауреат), премия «Изумрудный город» Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» (2015); премия международного музыкально-литературного фестиваля «Ялос-2016» в номинации «Проза» (гран-при лауреат), лауреат еженедельника «Литературная Россия» (2016) Международная литературная премия имени Владимира Гиляровского I степени, номинация «Художественная проза» (2016), мемориальная премия им. И. А. Соколова XXXIV Международного фестиваля фантастики «Аэлита» (2017), премия «Белый лотос», главная награда фестиваля «Поехали! в Астрахань» (2017), финалист премии «Независимой газеты» «Нонконформизм-2016», «Нонконформизм-2017», «Нонконформизм-2018», Гран-при «Российской литературной премии – 2018» в номинации «Писатель года» по версии «Российского колокола», мемориальная премия «Орден „Рыцарь фантастики“» им. И. Г. Халымбаджи Фестиваля фантастики «Аэлита» (2018), Гран-при международного конкурса Франца Кафки (2018).

СИМВОЛЫ ВАЖНЕЕ КОНТЕНТА

Вселенная Маклюэна

Сами того не подозревая, мы живем во вселенной Маклюэна.

Писатель Том Вульф сказал, что считает Маклюэна одним из самых выдающихся мыслителей, который стоит в одном ряду с Ньютоном, Дарвином, Фрейдом, Эйнштейном и Павловым. Афоризмы и высказывания Маклюэна, такие как *The medium is the message* («Носитель информации является самим посланием», где игра слов: *message* и *massage* – «послание» и «массаж» соответственно) и *Global village* («глобальная деревня») прочно вошли в менталитет и культуру современного человека. Маклюэн предсказал эффект воздействия телевидения на общество, суть и природу рекламной индустрии; сорок лет назад он описал изменения в обществе, такие как процессы глобализации, которые мы увидели вместе с появлением Интернета.

Начнем с вопроса: какие черты общества в целом были порождены технологией письма и печати? Линейное мышление, логика, основанная на причинно-следственных связях; представление о пространстве как о контейнере, а о времени – как о прямой с делениями. Согласно представлениям классической физики все вещи во вселенной занимают свое конкретное место, а сама вселенная – это огромный механизм.

Принципы работы алфавита и печатного станка: фрагментация, формирование жесткой последовательности и механическое повторение – влияют на все общество. Линейное письмо и алфавит – основа наших мыслительных процессов, которые используют такие составляющие, как системность, соответствие, последовательность расстановки элементов, определенность и так далее. Стратегии рынка, материальное производство, наука, развлечения – все строится по этой схеме и обеспечивает поступательное движение индустриального общества.

Вот пример рассуждения Маклюэна о доме.

Люди племени, первобытные люди жили в круглых домах, а затем стали жить в квадратных. Дом для них – расширение кожи и теплообменных процессов. Человек племени ощущал себя частью вселенной, круглое жилище для него не отгораживание от внешнего мира, а включенность в него. Цивилизованный человек стремится разграничить и организовать пространство, разделить функции. Квадратное жилище – это отгораживание, абстрагирование от мира, это фрагментация и специализация пространства.

Письменность и алфавит превратили члена племени в человека цивилизации, давая ему «глаз вместо уха». Письменная речь является основой интеллекта в привычном его понимании, алфавит при этом навязывает нам особые принципы восприятия реальности.

Еще в XIX веке появились предположения, что нельзя отдавать предпочтение логическим категориям и евклидовому пространству как единственно возможным. Современная физика и ряд других наук подчас отказываются от таких принципов, как локализация, линейность, причинно-следственная связь, трехмерное пространство, перспектива, временная последовательность.

Весь этот пресный мир, согласно рассуждениям Маклюэна, заканчивается с внедрением электрики и электроники, разрушающей Галактику Гутенберга. Мир электроники не централизует и специализирует, а сжимает и унифицирует. Он создает пространство без границ, центров и провинций, в котором все происходит одновременно, где нет жесткой хронологии. Технологии современного мира сокращают время и уничтожают разделение в пространстве: происходит переход от статики к движению, от жесткой механики к более гибким и мобильным структурам. Все эти изменения характеризуются одним словом – иррациональность. Знаменитая максима Маклюэна (1964) «Медиа – это сообщение» стала откровением для большинства людей, склонных игнорировать медиатехнологии и обращающих внимание только на содержание, контент. Эффект был таким, словно Маклюэн пытался сказать: «Это же медиа, болваны!» Он начал с призыва уделять внимание медиатехнологиям, потому что они сильнейшим образом влияют на человеческие отношения. Символьная оболочка – вот что действительно важно, вовсе не контент. Технология – в ней весь смысл, в ее природе, структуре, а не в наших намерениях.

С этим не все согласятся. В США существует Национальная ружейная ассоциация, которая противится попыткам ограничивать оружие у населения, – «людей убивают не ружья, а люди». Если мы думаем, что огнестрельное оружие повышает градус жестокости, значит, мы верим в то, что медиа – это сообщение. Вот еще вариант подобных высказываний: «Мы не ездим по железным дорогам, они ездят по нам». То же имел в виду и Марк Твен, когда говорил, что если в вашей руке молоток, то все вокруг напоминает гвозди.

Маклюэн сформулировал четыре закона, которые действуют для любого медиа в его понимании – то есть для любого искусственного объекта, созданного человеком (артефакта).

Из артефактов складывается наша среда обитания, и у разных культур и сообществ она разная. Эта искусственная среда постоянно трансформируется, поскольку каждый новый объект меняет связи между существующими. Вспомним рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром» – о том, как смерть одной бабочки отразилась на будущем целой страны.

Чтобы описать влияние нового артефакта на среду, Маклюэн использовал модель «фигура – фон»: то, что мы воспринимаем, это «фигура», остальное – «фон». Похожим образом человек пользуется артефактами: одни активно задействованы в повседневных практиках, другие мало используются и кажутся «фоном». Четыре ключевые точки перехода артефактов из состояния «фигуры» в «фон» и обратно составляют «тетраду Маклюэна».

1. Новое раздвигает рамки. Новые артефакты расширяют возможности человека, с их появлением мы можем осуществлять некоторую практику лучше, чем прежде. Артефакт остается актуальным («фигурой») до появления более «продвинутого». Например, многопиксель-

ные камеры в смартфонах позволяют фотографировать быстрее, чем классический цифровой фотоаппарат.

2. Старое отстывает и приспосабливается. Новый артефакт приводит к тому, что практика использования артефакта-предшественника с той же целью устаревает и уходит на второй план, с позиции «фигуры» в позицию «фон». Это не значит, что новое непременно убивает старое, – старое перестает использоваться в прежних целях, но если ему можно найти новое применение, оно не умрет. Например, распространение радио не убило прессу, электронные записи музыки и книг не убили винил и бумажные книги.

3. Меняется не суть практики, а способ ее воплощения. Новый артефакт возвращает практики из прошлых эпох, которые прежде были связаны с использованием других инструментов. Все новое – хорошо забытое старое, но на другом витке развития. Например, эсэмэски снова сделали «фигурой» практику отправки коротких текстовых сообщений, которая раньше осуществлялась телеграммами. Селфи возвращает практику автопортрета.

4. Инновация со временем становится своей противоположностью. Каждый новый артефакт со временем достигает предела своего развития и обращается в свою противоположность – с точки зрения того, какие возможности человека он расширяет. Он уходит из положения «фигуры» в «фон», освобождая место чему-то новому. Автомобили, предназначенные для ускорения движения, стали задерживать передвижения из-за пробок и перегрузки магистралей.

Еще несколько выборочных суждений Маклюэна.

Земной шар теперь не более чем деревня. Средства коммуникации настолько развиты и укоренились в нашей жизни, что теперь не существует информационной изоляции и ограниченности.

Благодаря телевидению мир стал большой деревней, а изрядная часть передач возрождает деревенские сплетни. Земной шар превратился в деревню, поэтому и сплетни в нем распространяются так же, как любая информация – быстро и беспрепятственно.

С появлением телевидения сам зритель становится экраном. Он подвергается бомбардировке световыми импульсами, которые нашпиговывают «оболочку его души душещипательно-подсознательными намеками». **Человека можно сравнить с маленьким ребенком, который смотрит на родителей, замечает их привычки, поведение, а потом все впитывает, как губка, и непроизвольно воспроизводит. Телевидение может вызвать любые чувства: панику, страх, жестокость...**

Настоящие новости – плохие новости. Любые средства коммуникации ради пиара должны сбалансировать подачу новостей: где есть хорошие, там непременно должны быть и плохие. Различные наводнения, пожары, катастрофы на суше или на море превосходят в качестве новостей любую разновидность частного ужаса.

Готовность к войне современной социальной системы. Появление новых технологий изменяет сенсорное восприятие человеком окружающей среды, разрушает его самоидентификацию, вынуждая к адаптации и видению мира как бы в «зеркале заднего вида». Маклюэн сравнивает ненужные теперь сенсорные способности с ампутированным органом, который вызывает фантомные боли. Технологии становятся продолжениями человеческого тела и его нервной системы. Попытки восстановить утраченную самоидентификацию приводят к войнам, в то время как любая война стимулирует новые технические разработки, которые провоцируют новую утрату самоидентификации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.